

Диана Вин Дженс

КВАРТОЧНОЕ
ПРЕВРАЩЕНИЕ

Миры Крестожанси

Миры Крестоманси

Диана Джонс

Сказочное невезение

«Азбука-Аттикус»

2005

Джонс Д. У.

Сказочное невезение / Д. У. Джонс — «Азбука-Аттикус»,
2005 — (Миры Крестоманси)

ISBN 978-5-389-09025-5

Английская писательница Диана Уинн Джонс считается последней великой сказочницей. Миры ее книг настолько ярки, что так и просятся на экран. По ее бестселлеру «Ходячий замок» знаменитый мультипликатор Хаяо Миядзаки, обладатель «Золотого льва» – высшей награды Венецианского кинофестиваля, снял одноименный анимационный фильм, завоевавший популярность во многих странах. Конраду не везло всю жизнь – с ним то и дело случались неприятности. К счастью, его дядя был волшебник и быстро нашел причину: оказывается, Конрад в прошлой жизни сделал что-то не то. Точнее, не сделал кое-что важное. И если срочно не исправить оплошность, Злой Рок его погубит. Вот и пришлось Конраду вместо того, чтобы идти учиться дальше, отправляться в загадочный и роскошный замок высоко над родным городом, наниматься слугой и с головой погружаться в тайны обитающего там аристократического Семейства. Хорошо еще в первый же день он подружился с неким Кристофером, который знал себе цену, умел колдовать и тоже кое-кого разыскивал.

ISBN 978-5-389-09025-5

© Джонс Д. У., 2005
© Азбука-Аттикус, 2005

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	13
Глава третья	21
Глава четвертая	27
Глава пятая	36
Глава шестая	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Диана Уинн Джонс
Сказочное невезение

© А. Глебовская, перевод, 2014

© В. Аникин, иллюстрация на обложке, 2014

© И. Горбунова, иллюстрации, 2014

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2014

Издательство АЗБУКА®

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Посвящается Стелле

Глава первая

В детстве я думал, что поместье Столлери – это такой сказочный замок. Из окна моей спальни было хорошо видно этот замок, стоявший высоко в горах над Столчестером: когда на него падало солнце, он вспыхивал, точно построен был из стекла или золота. Кончилось тем, что я сам оказался в этом замке, вот только попал куда угодно, но не в сказку.

Столчестер, где наша семья держит книжный магазин, и сам находится довольно высоко в горах. Здесь, в Седьмых Мирах, вообще много гор, а Столчестер расположен в Английских Альпах. Многие считают, что именно из-за гор кое-где в нашем городке телевизор смотреть невозможно, но мне дядюшка объяснил, что все это козни Столлери.

– Это они ставят вокруг такую защиту, чтобы никто к ним лишний раз не присматривался! – сказал он. – Глушат сигнал с помощью волшебства.

Мой дядя Альфред в свободное время сам занимался волшебством, так что кому знать, как не ему. Но зарабатывал он нам всем на жизнь не волшебством, а книготорговлей; магазин его находился в той части города, где собор. Дядя был тощим суетливым старичком с лысиной, прикрытой кудряшками, а маме доводился сводным братом. Похоже, его сильно обременяла необходимость заботиться обо мне, маме и моей сестре Антее.

Он вечно бегал туда-сюда и бормотал:

– Ну и где я возьму денег, Конрад, когда в книжной торговле этакий застой?

Книжный магазин носил наше имя – над полукруглыми окнами и темно-зеленой дверью красовалась поблекшая золотая вывеска «ГРАНТ И ТЕСДИНИК», – но дядя Альфред объяснил мне, что теперь магазин принадлежит ему. Открыли они его когда-то вместе с моим папой. А потом, вскоре после моего рождения и незадолго до папиной смерти, папе вдруг понадобилась куча денег – так рассказывал дядя Альфред, – вот он и продал дяде Альфреду свою половину. А потом папа умер, и дяде Альфреду пришлось взять на себя наше содержание.

– Так оно и положено, – говорила мама, как всегда туманно. – Мы его единственная родня.

Моя сестра Антея не раз интересовалась, зачем папе понадобились деньги, но так ничего и не выяснила. Дядя Альфред отговаривался тем, что не знает.

– А от мамы вообще никогда толку не добьешься, – подвела итог Антея. – Она знает изрекает всякое вроде «Жизнь – вечная лотерея» или «У твоего отца часто бывали денежные затруднения»... В общем, единственное, что мне приходит в голову, это что у него были карточные долги. Казино-то совсем рядом, в конце концов.

Мне пришлось по душе мысль о том, что папа проиграл в карты половину книжного магазина. Я в те времена и сам любил рисковать. В восемь лет я, бывало, брал у друзей лыжи и съезжал по самым крутым, самым обледеневшим склонам, а летом лазил по скалам. Мне казалось, я иду по папиным стопам. Но как на грех, кто-то засек меня на Столовом утесе и наябедничал дяде.

– Ну уж нет, Конрад, – сказал дядя, обеспокоенно размахивая перед моим носом сморщенным пальцем. – Я не могу позволить, чтобы ты так рисковал.

– Папа-то рисковал, – напомнил я ему. – Вон, проиграл все деньги.

– Он их лишился, – поправил дядя. – А это совсем другое дело. Я никогда не лез в его дела, но что-то мне сдается – и неспроста, – что его ограбили эти мошенники-аристократы из Столлери.

– Что? – не поверил я. – Ты хочешь сказать, что граф Рудольф взял его на мушку и отобрал все деньги?

Дядюшка засмеялся и потрепал меня по волосам.

– Да нет, без всяких этаких драм, Кон. В Столлери всё обделывают тихо да благородно. Тасуют вероятности, как и полагается джентльменам.

– Это как так? – не понял я.

– Я тебе объясню, когда ты подрастешь и немного разберешься в финансовой магии, – откликнулся дядя. – А до тех пор... – Лицо его сморщилось и посерьезнело. – А до тех пор не смей рисковать головой на Столовом утесе; не до того, Кон, больно уж у тебя карма скверная.

– А что такое карма? – спросил я.

– Это я тебе тоже объясню, когда подрастешь, – сказал дядя. – А пока смотри больше не попадайся мне на скалах.

Я вздохнул. Наверное, эта карма – жутко тяжелая штука, раз уж с ней нельзя лазать по скалам. Я решил расспросить о ней сестру. Антея меня почти на десять лет старше, и даже тогда она была просто ужасно умной. Я нашел ее за кухонным столом – она сидела над целым рядом раскрытых книжек, длинные черные волосы падали на страницу, на которой она что-то записывала.

– Не приставай ко мне сейчас, Кон, – сказала она, не поднимая головы.

«Ну вся в маму выросла!» – подумал я.

– Мне очень нужно знать, что такое карма.

– Карма? – Антея подняла голову. Глаза у нее огромные и темные. Она открыла их пошире и уставилась на меня в изумлении. – Карма – это почти то же самое, что и судьба, только она зависит от того, как ты себя вел в прошлой жизни. Предположим, в предыдущей жизни ты сотворил какую-нибудь пакость или не совершил чего-то хорошего, – значит, судьба накажет тебя в твоей нынешней жизни, если ты, конечно, не будешь ну совсем паинькой и не поправишь все это дело. Понятно?

– Да, – ответил я, хотя было не очень понятно. – Так, выходит, люди живут не один раз?

– Волшебники говорят, что не один, – отозвалась Антея. – Я и сама, правда, в это не очень верю. В смысле, как проверить, что ты до этого уже когда-то жил? А откуда ты узнал про карму?

Рассказывать ей про Столовый утес не хотелось, и я ушел от вопроса:

– Прочитал где-то. А как это «тасовать вероятности»? Я про это тоже прочитал.

– Ну, это объяснять целую вечность, а у меня нет времени, – сказала Антея и снова уткнулась в свои записи. – Ты, похоже, не понимаешь, что я готовлюсь к экзамену, который может полностью изменить мою жизнь!

– А когда же ты будешь готовить обед? – поинтересовался я.

– Вот она моя жизнь – в одной фразе! – взорвалась Антея. – Я делаю всю работу по дому, да еще и помогаю в магазине два раза в неделю, а что у меня могут быть свои планы – это никому и в голову не придет! Вали отсюда!

Когда Антея вот так вот лезет на стенку, с ней лучше не связываться. Я пошел и попробовал задать тот же вопрос маме. Мог бы и заранее догадаться, что ничего из этого не выйдет.

Мама живет в крошечной комнатке с голыми стенами и скрипучими половицами, на пол-этажа ниже моей спальни; в комнатке нет почти ничего, кроме пыли и стопок бумаги. Мама сидит за колченогим столиком и молотит по клавиатуре древней печатной машинки: пишет статьи и книги о правах женщин. У дяди Альфреда внизу, в задней комнате, где работает мисс Сайлекс, целая куча прекрасных новых компьютеров, и он постоянно уговаривает маму бросить свою машинку. Но маму поди уговори что-нибудь бросить. Она утверждает, что ее старая машинка куда надежнее. Это, кстати, правда. Компьютеры в магазине «сыплются» как минимум раз в неделю – дядя Альфред утверждает, что это тоже козни прохиндеев из Столлери, – а вот стук маминой машинки не смолкает никогда и слышен на всех четырех этажах дома.

Когда я подошел, мама подняла голову и откинула назад густые волосы, темные с проседью. На старых фотографиях она сильно похожа на Антею, вот только глаза у нее светлые и желтовато-карие, как у меня; теперь же ее уже никто не перепутает с Антеей. Мама как-то увяла и вечно носит этот свой, как выражается Антея, «жуткий костюм горчичного цвета» и забывает причесываться. Мне это скорее нравится. Мама всегда одинаковая, как и собор, и всегда смотрит на меня поверх очков одним и тем же взглядом.

– Обед готов? – спросила мама.

– Нет, – ответил я. – Антея за него еще и не бралась.

– Тогда приходи, когда будет готов, – сказала мама и уставилась на листок, торчавший из пишущей машинки.

– Я не уйду, пока ты не объяснишь, что значит «тасовать вероятности», – сказал я.

– Не приставай ко мне с такими глупостями, – сказала мама, выкручивая листок, чтобы прочитать последнюю напечатанную строчку. – Спроси у дяди. Какое-нибудь дурацкое заклятие. Как тебе нравится такой эпитет – «фонтанирующее криводушие»? В точку, а?

– В точку, – сказал я.

В маминых книгах полно всякого такого. Никогда точно не скажешь, что это значит. В данном случае я решил, что речь идет о сломавшемся душе и потопе в ванной, вот и побрел прочь, размышляя о названиях других ее книг – например, «Эксплуатация мечты» или «Увечные евнухи». У дяди Альфреда в книжном магазине их целый стол. В мои обязанности входит стирать с них пыль, а вот покупать их почти не покупают, как бы завлекательно я их ни раскладывал.

Обязанностей у меня в магазине было довольно много: распаковывать книги, расставлять, стирать с них пыль, а еще мыть полы в те дни, когда миссис Потс не являлась по причине разыгравшихся нервов. А нервы у нее разыгрывались всякий раз после того, как она пыталась навести порядок в кабинете дяди Альфреда. Тогда магазин, да, собственно, и весь дом, содрогался от воплей:

– Я же сказал – пол и больше ничего, бестолочь вы этакая! А теперь весь опыт – псу под хвост! Считайте, что вам повезло, что вы не превратились в золотую рыбку. Еще к чему-нибудь прикоснетесь – ею и станете!

И все же по меньшей мере раз в месяц миссис Потс поддавалась искушению, складывала все дядины вещи в аккуратные стопки и стирала следы мела с его верстака. После этого дядя Альфред с воплями взлетал вверх по лестнице, а на следующий день миссис Потс сидела дома с разыгравшимися нервами и мыть пол в магазине приходилось мне. Правда, в награду мне разрешалось читать какие угодно книжки для детей, стоявшие на отдельных полках.

Говоря до свирепости откровенно – кстати, это любимое присловье дяди Альфреда, – не очень-то меня эта награда утешала, по крайней мере, до тех пор, пока я не узнал про карму и про Рок и не задумался, что значит «тасовать вероятности». До того мне больше нравилось совершать всякие рискованные поступки. Или тянуло сходить в гости к друзьям в ту часть города, где работали телевизоры. Чтение представлялось мне работой потяжелее, чем мытье полов. Но потом, в один прекрасный день, я наткнулся на книги про Питера Дженкинса. Вы их, наверное, знаете: «Питер Дженкинс и тощий учитель», «Питер Дженкинс и тайна директора школы» и много чего еще. Отличные книги. У нас в магазине их была целая полка, не меньше двадцати штук. Я решил перечитать их все.

Ну, прочел я штук шесть, и во всех в них были ссылки на одну предыдущую, которая называлась «Питер Дженкинс и формула футбола», – судя по всему, страшно интересную. Я решил, что следующей прочитаю ее.

С полом я в тот день управился как можно скорее. А потом, по дороге к столу с мамиными книгами, с которых нужно было смахнуть пыль, остановился у детских полок и внимательно просмотрел весь ряд красно-коричневых книжек про Питера Дженкинса, выискивая среди них «Формулу футбола». Только вот беда: все они выглядели совершенно одинаково. Я провел пальцем по корешкам, полагая, что она окажется примерно седьмой по счету. Я ведь знал, что видел ее там раньше. Так ведь поди ж ты. Примерно на правильном месте стояла книжка «Питер Дженкинс и заколдованный баскетболист». Я провел пальцем до самого конца и нигде ее не обнаружил, да еще и «Тайна директора школы» куда-то задевалась. Вместо того стояли целых три экземпляра «Питера Дженкинса и ушлого ужаса» – ее я раньше в глаза не видел. Я вытащил один из трех, пролистал: очень похоже на «Тайну директора», хотя и не совсем: вместо зомби в шкафу – летучие мыши-кровопийцы и все такое; я поставил книжку на место, озадаченный и сильно разобиженный.

В конце концов я взял одну книжку наугад, а потом пошел протирать мамины. Оказалось, что мамины книги тоже слегка изменились. Выглядели они совсем как раньше: на каждой обложке было напечатано крупными желтыми буквами «ФРАНКОНИЯ ГРАНТ», а вот некоторые заглавия стали другими. Одна, особенно пухлая, которая раньше называлась «Женские невзгоды», осталась такой же пухлой, но стала «В защиту женщин», а тоненькая, в мягкой обложке теперь звалась «Материнская мудрость» вместо прежнего «Пользуемся ли мы интуицией?», как я это запомнил.

Тут я услышал, что вниз по лестнице вприпрыжку и напевая мчится дядя Альфред – пора было открывать магазин.

– Привет, дядя! – окликнул я его. – Ты что, распродал всех «Питеров Дженкинсов и формулу футбола»?

– Вряд ли, – отозвался дядя, влетая в магазин с обычным озабоченным выражением на лице.

Он поспешил к полкам с детскими книгами, бормоча что-то про «надо бы дозаказать» и на ходу меняя очки. Через новые очки он уставился на полку с книгами про Питера Дженкинса. Нагнулся, посмотрел на те, что стояли ниже, встал на цыпочки и посмотрел на те, что стояли наверху. Потом отступил, и вид у него сделался такой свирепый, что я подумал, уж не навела ли миссис Потс свои порядки и здесь.

– Нет, ну вы только полюбуйтесь! – сказал он с омерзением. – Считаю, каждая третья – не та. Беспредел какой-то. Явно провернули большое дело, и нет бы хоть подумать о побочных эффектах. Сходи-ка посмотри, не переменялось ли чего на улице, Конрад.

Я подошел к двери – вроде бы все как раньше... Стоп! Почтовый ящик в конце улицы стал ярко-синего цвета.

– Вот видишь! – фыркнул дядя, когда я сообщил ему об этом. – Видишь, что это за него-дяди? Куча мелочей переменялась навеки – ценных мелочей, кстати, – но им, похоже, наплевать. Они только о деньгах и думают!

– Кто они? – спросил я.

Мне было решительно непонятно, какие деньги можно заработать, изменив названия книг.

Дядя ткнул большим пальцем куда-то вверх и вбок.

– Эти. Эти сдвинутые аристократы из Столлери – говоря до свирепости откровенно, Кон. Они зарабатывают на том, что тасуют вероятности. Оценивают ситуацию и, если видят, что одна из их многочисленных компаний получит больше выгоды, если изменить парочку мало-значительных деталей, устраивают там у себя перетасовку и меняют эту парочку деталей. А то, что заодно изменится и много чего другого, их совершенно не волнует. Ну просто совсем. Только на сей раз они перебрали. С жадностью. И безответственностью. Потому что теперь все люди это заметят и станут возражать. – Он снял очки и начал протирать их. На лбу у него от раздражения выступил пот. – И ждать теперь скандала, – сказал он. – По крайней мере, я на это очень надеюсь.

Я наконец понял, что значит «тасовать вероятности».

– А как они все это проделывают? – спросил я.

– С помощью очень мощного колдовства, – ответил дядя. – Такого мощного, какое тебе даже и не представить, Конрад. Так что заруби себе на носу: граф Рудольф и его родня – очень опасные люди.

Когда меня наконец отпустили к себе почитать книгу про Питера Дженкинса, я первым делом выглянул из окна. Комната моя находилась на верхнем этаже нашего дома, и оттуда Столлери выглядел сгустком света и сияния в том месте, где заканчивались зеленые холмы и высилась каменистая гора. Как-то плохо верилось в то, что в этом сверкающем замке на вершине живет человек, способный менять названия книг и цвет почтовых ящиков здесь у нас, в Столчестере. Тем более что мне было решительно непонятно, зачем это может быть нужно.

– А затем, что если чуть-чуть поменять те вещи, которые то ли произойдут, то ли нет, ты тем самым слегка изменяешь все будущее, – объяснила Антея, оторвавшись от книг. – На сей раз, – добавила она удрученно, переворачивая страницы с записями, – они, похоже, совершили большой скачок и изменили будущее вовсе даже не слегка. Вот, у меня тут выписки из двух книг, которых, похоже, больше не существует. Неудивительно, что дядя Альфред расстроен.

Примерно через день мы привыкли к этим переменам. Кто же станет помнить, что раньше почтовый ящик был красным. Дядя Альфред сказал, что только мы и помним, притом потому, что живем в этой части Столчестера.

– Говоря до свирепости откровенно, Кон, – обратился он ко мне, – полгорода думает, что ящики всегда были синими. А остальная страна и подавно. Король небось теперь зовет этот цвет «королевским синим». Преломление сознания, вот что это такое. Дьявольская жадность.

Было это все в те добрые старые времена, когда Антея еще жила дома. Кажется, мама и дядя Альфред считали, что она всегда будет жить дома.

Тем летом мама сказала, как обычно:

– Антея, не забудь, что Конраду нужно купить новую школьную форму к началу учебного года.

А дядя Альфред настроил всяких планов, как он расширит магазин, – Антея ведь закончит школу и станет новым полноценным сотрудником.

– Если разобрать кладовку напротив моего кабинета, – мечтал дядя, – то контору можно будет перенести туда. А там, где сейчас контора, расставить книги – можно даже расширить помещение за счет двора.

Антея все это выслушивала молча. Последний месяц-другой она была особенно молчаливой и хмурой. Потом вдруг повеселела. До конца лета без возражений трудилась в магазине, а в самом начале осени повела меня за обновками точно так же, как и в прошлом году, с той лишь разницей, что на этот раз она и себе накупила обновок. А потом, когда я отходил в школу примерно месяц, она взяла и уехала.

К завтраку она спустилась с небольшим чемоданчиком.

– Я уезжаю, – поведала она. – С завтрашнего дня начинаю учиться в университете. В девять двадцать отходит поезд на Лудвич, так что я пришла попрощаться, а позавтракаю уже в поезде.

– В университете? – так и ахнула мама. – Да у тебя на это мозгов не хватит!

– Никуда ты не поедешь, – заявил дядя Альфред. – Магазином кто будет заниматься? И потом, у тебя нет денег.

– Я сдала экзамен, и мне дали стипендию, – сообщила Антея. – Так что мне хватит, если особо не шиковать.

– Никуда ты не поедешь! – выпалили они хором.

Потом мама добавила:

– А кто будет заниматься Конрадом?

А дядя сказал:

– Милая, но я так рассчитывал на твою помощь в магазине!

– На бесплатного помощника. Это я знаю, – сказала Антея. – Что ж, извини, что нарушила твои планы на мою будущую жизнь, вот только жизнь-то моя, и я ею распорядилась самостоятельно, потому что знала: вам только заикнись – и вы все испортите. Я уже невесть сколько лет только и делаю, что занимаюсь всеми вами. Конрад уже подросток и сам справится, а я хочу наконец-то начать жить.

И она вышла за дверь, а мы все остались сидеть с широко открытыми глазами. Больше она не вернулась. Она, понимаете ли, слишком хорошо знала дядю Альфреда. Дядя Альфред часами сидел в кабинете, составляя всякие заклинания, чтобы навсегда удержать Антею дома, когда она придет на каникулы после первого семестра. Антея это предвидела, а потому просто прислала открытку – я, мол, погощу у друзей, – а к нам даже и не приближалась. Мне она тоже посылала открытки и подарки на день рождения, но в Столчестер не возвращалась много-много лет.

Глава вторая

С отъездом Антеи все переменялось просто ужасно, куда сильнее, чем после всех проделок графа Рудольфа из Столлери. Мама несколько недель пребывала в скверном настроении. По-моему, она так никогда и не простила Антею.

– Экая коварная! – повторяла она. – Всё тишком да молчком. Ты не вздумай отколоть такой же номер, Конрад, и не жди, что я стану за тобой бегать. У меня работа.

Дядя Альфред долго бурчал и ворчал, а повеселел, только когда наконец сочинил заклятие, которое должно было удержать Антею дома после ее возвращения. А еще он повадился похлопывать меня по плечу и повторять:

– Уж ты-то меня не подведешь, как твоя сестра, верно, Кон?

Иногда я отвечал:

– Да, конечно!

А по большей части просто вырывался и ничего не говорил. Мне еще много лет страшно не хватало Антеи. Ведь раньше к ней всегда можно было прийти с вопросами или просто за добрым словом. Если мне случалось загрустить или порезаться, именно у нее всегда оказывались наготове и кусок пластыря, и ласковая улыбка. Если мне было скучно, сестра придумывала мне интересное занятие. Без нее я был ну совсем как без рук.

А еще я раньше не представлял, сколько работы Антея делала по дому. По счастью, я умел обращаться со стиральной машиной, вот только вечно забывал ее запустить, а потом оказывалось, что в школу идти не в чем. Так что я напяливал что-нибудь грязное, и мне за это попадало – пока не зарубил себе на носу. Мама, как и прежде, сваливала свои вещи в корзину для грязного белья, а вот дядя Альфред следил, чтобы у него всегда были чистые рубашки. Пришлось ему доплачивать миссис Потс, чтобы она их гладила, и он вечно ворчал, что ее цены – просто обдираловка.

– Ингредиенты для моих опытов нынче стоят столько, что туши свет, – все повторял он. – Денег-то где на все взять?

Кроме того, Антея раньше покупала продукты и готовила еду, и вот с этим всё и вовсе пошло наперекосяк. Несколько недель после ее отъезда мы питались сухими завтраками, но потом и они кончились. Мама попыталась решить проблему радикально: заказала двести замороженных пирогов и запихала их в морозилку. Вы и представить себе не можете, как быстро могут осточертеть пироги. Кроме того, мы вечно забывали вытащить их заранее, чтобы они разморозились. Поэтому дяде Альфреду то и дело приходилось размораживать их с помощью колдовства, а они от этого отсыревали, да и вкус, похоже, изменялся.

– А не можем ли мы питаться чем-нибудь не таким липким и невкусным? – вопрошал он горестно. – Поразмысли об этом, Фрэн. Ты ведь когда-то умела готовить.

– Так то во времена, когда я еще была поработанной женщиной, – отвечала мама. – Эти ребята, которые пекут пироги, продают еще и замороженную пиццу, только ее можно заказать не меньше тысячи штук.

Дядя Альфред передернулся.

– Нет уж, лучше я буду есть яичницу с беконом, – произнес он уныло.

– Ну так иди купи бекона и яиц, – ответствовала мама.

В итоге порешили мы на том, что дядя Альфред будет покупать продукты, а я постараюсь что-нибудь из них готовить. Я вытащил с магазинных полок книжки «Кулинария для начинающих» и «Питайся без забот» и попытался в точности следовать их советам. Вышло не то чтобы хорошо. Еда почему-то чернела и прилипала к сковородке, – впрочем, того непригоревшего, что оставалось сверху, по большому счету хватало. Мы лопали кучу хлеба; правда, толстела от этого одна только мама. Дядя Альфред был тощим от природы, а я все еще рос. Кроме того, с тех пор маме приходилось несколько раз в году ходить со мной в магазин за новой одеждой. Всякий раз это почему-то случалось как раз тогда, когда ей нужно было срочно закончить книжку, и она так страдала из-за этих походов, что я носил одежду до последнего. В школе меня иногда дразнили, потому что я был похож на пугало.

К следующему лету мы все-таки приноровились жить сами. Примерно тогда стало понятно, что Антея не вернется. Я-то еще к Рождеству сообразил, что она уехала навсегда, а вот до мамы и дяди Альфреда это доходило почти целый год.

– Ну, летом-то ей придется приехать, – с надеждой говорила мама в мае. – На лето все университеты закрываются, причем надолго.

– Она не приедет, – решительно отвечал дядя Альфред. – Она отрясла пыль Столчестера со своих ног. И, говоря до свирепости откровенно, Фрэн, мне теперь уже не больно-то и хочется, чтобы она возвращалась. Человек, способный на такую черную неблагодарность, может служить только дестабилизирующим фактором.

Он вздохнул, развеял заклятие, которое должно было удержать Антею дома, и нанял в магазин помощницу, девицу по имени Дейзи Болджер. После этого он вечно переживал из-за того, сколько придется Дейзи платить, чтобы она не перешла на работу в фарфоровую лавку рядом с собором. У Дейзи куда лучше, чем у меня, получалось вытягивать из дяди Альфреда деньги. Вот оно где, коварство! Кроме того, Дейзи почему-то считала, что, заходя в магазин, я всякий раз все там переворачиваю вверх дном. Раза два граф Рудольф из Столлери снова устраивал большой шурум-бурум, а Дейзи считала, что это мои проделки. По счастью, дядя Альфред ей не верил.

Дядя Альфред повадился меня жалеть. Смотрел на меня сквозь очки с жутко озабоченным видом и печально качал головой.

– Похоже, тебе, Кон, пришлось из-за отъезда Антеи тяжелее всех, – говорил он уныло. – И, говоря до свирепости откровенно, я подозреваю, что уехала она именно из-за твоей плохой кармы.

– Так что я такое натворил в прошлой жизни? – спрашивал я снова и снова.

Дядя Альфред на это только качал головой.

– Не знаю, чего ты там натворил, Кон. Это ведомо одним лишь Властителям Кармы. Может, ты был непорядочным полицейским, или судьей-взяточником, или трусливым солдатом, а может, и вовсе предателем – кто ж знает! А я знаю одно: либо ты не сделал чего-то, что должен был сделать, либо сделал что-то, чего делать был не должен. А посему судьба твоя будет исполнена всяческих бед.

И дядя быстро уходил, бормоча под нос:

– Если только, конечно, мы не найдем какого способа загладить эту твою вину.

Мне после этих разговоров всегда делалось донельзя скверно. А кроме того, после них обязательно случалось что-нибудь плохое. Один раз я поскользнулся на Столовом утесе – а залез я к тому времени уже довольно высоко – и ободрал себе всю физиономию. В другой раз упал с лестницы и вывихнул ногу, а еще в другой раз порезался на кухне – весь лук залил кровью, – но самое мерзкое заключалось в том, что каждый раз я думал: так мне и надо! Это расплата за какое-то преступление в прошлой жизни. И я чувствовал себя страшно виноватым, пока царапины, вывих или порез не заживали. Тогда я вспоминал слова Антеи о том, что она не верит во все эти прошлые жизни, и мне делалось лучше.

– А ты не можешь выяснить, кем я был и что натворил? – спросил я как-то раз у дяди Альфреда, после того, как получил от директрисы выговор за то, что вся моя одежда мне мала. Она написала об этом записку и велела передать ее родителям, но я ее выбросил, потому что мама только что начала писать новую книгу, да и вообще, я считал, что заслуживаю все эти неприятности. – Если бы я знал, я бы попробовал с этим что-нибудь сделать.

– Говоря до свирепости откровенно, – сказал дядя, – должен тебе сообщить, что изменить Рок можно, только когда выяснишь, что к чему. Но я попробую разобраться. Попробую, Кон.

Он стал проводить с этой целью какие-то опыты у себя в кабинете, но, кажется, толку из них не вышло.

Примерно через год после отъезда Антеи я как-то раз очень разозлился на Дейзи Болджер за то, что она не позволила мне просмотреть новую книжку про Питера Дженкинса. Я сказал ей, что дядя мне это разрешает, но она только твердила:

– А ну поставь на место! Истреплешь, а мне потом попадет.

– Шла бы ты уже работать в эту фарфоровую лавку, – сказал я под конец.

Она сердито вскинула голову:

– Много ты понимаешь! Мне это сто лет не нужно. Там же скучно, как я не знаю где! Я придумала это только затем, чтобы выколотить из твоего дядюшки нормальное жалованье, – кстати, он все равно не платит мне и половину того, что мог бы себе позволить.

– А по-моему, платит, – сказал я. – Потому что вечно брюзжит, как дорого ты ему обходишься.

– Это потому, что он скупердяй, а не потому, что у него денег нет, – ответила Дейзи. – Да он будет побогаче этого графа из Столлери. Этот магазин – просто золотое дно.

– Да что ты! – удивился я.

– Я же сижу за кассой. Так что я знаю, – сказала Дейзи. – Мы находимся в самой живописной части города, так что все туристы – наши, что зимой, что летом. Не веришь – спроси мисс Сайлекс. Она ведет счета.

Меня это так удивило, что я перестал сердиться, а заодно забыл про книгу о Питере Дженкинсе. А Дейзи, видимо, только того и было нужно. Она вообще была хитрющая. Впрочем, поверить ей я ну никак не мог, ведь дядя Альфред постоянно переживал из-за денег. Тогда я стал пересчитывать посетителей.

И Дейзи оказалась права. Столчестер знаменит своими достопримечательностями: тут вам и исторические здания, и горы вокруг. Летом к нам приезжают осмотреть город, поиграть в

казино, полазать по горам. Зимой – покататься на лыжах. Но из-за того, что город расположен довольно высоко, летом у нас бывает дождь и туман, а зимой снега иногда маловато, или он слишком мягкий, или, наоборот, метель – и вот в такие-то дни туристы набиваются в магазин буквально сотнями. И скупают все, от словарей, чтобы проще было разгадывать кроссворды, до заумных книжек по философии, детективов, биографий, приключенческих и кулинарных книг. Некоторые даже хватают заодно и мамини книжки. За несколько месяцев я убедился, что у дяди Альфреда действительно золотое дно.

– На что же он все это тратит? – спросил я у Дейзи.

– А кто же его знает, – фыркнула она. – Этот его кабинет стоит немало. Кроме того, он всегда покупает самый дорогой выдержанный портвейн для кружка волшебников. И одежда у него вся ручной работы.

В это я тоже поначалу не поверил. А потом сообразил, что один из волшебников, который каждую среду приходит к дяде Альфреду на заседания кружка, – это мистер Хокинс, портной, причем зачастую он приходит пораньше и с целыми тюками одежды. А кроме того, я много раз помогал относить наверх старые пыльные бутылки с портвейном. Правда, мне и в голову не приходило, что портвейн – дорогая штука. Мне было сильно не по душе, что Дейзи оказалась настолько наблюдательнее, чем я. Впрочем, она и правда была хитрющая.

Вы и представить себе не можете, с каким искусством она добивалась прибавки к жалованью. Иногда у нее уходило на это недели по две – десять дней на вздохи, ворчание и рассказы о том, как она перетруждается и как плохо живет, потом день на разговоры о том, как милая дама из фарфоровой лавки сказала, что возьмет ее на работу хоть завтра, только приди. В конце она заявляла: «Ну, всё! Я увольняюсь!» И каждый раз это срабатывало.

Я наконец сообразил: дядя Альфред просто терпеть не может, когда от него кто-то уходит. Наверное, поэтому он и позволил Антее учиться в Соборной школе: чтобы она оставалась дома и делала в нем что-то полезное.

Я не мог припугнуть его тем, что уйду, – пока не мог. В нашей стране полагается ходить в школу, пока тебе не стукнет двенадцать. Впрочем, подумал я, можно припугнуть их тем, что я больше не буду готовить. Хотя, если подумать, – нашел чем припугнуть.

В первый раз я действовал даже медленнее, чем Дейзи. Недели две вздыхал и рассказывал, как жутко мне надоела готовка.

Наконец мама даже сказала:

– Да уж, Конрад, тебя послушать – можно подумать, что тебя эксплуатируют.

Мне только того и надо было. Я вскипел и заклокотал и выпалил с большим чувством:

– Да, вы меня эксплуатируете! Вот именно! Не буду я больше готовить, никогда и ни за что!

Дальше все пошло еще глаже. Дядя Альфред тут же утянул меня к себе в кабинет и стал увещевать:

– Видишь ли, говоря до свирепости откровенно, Кон, мама твоя ни черта не смыслит в готовке, а уж я и подавно. При этом нам ведь нужно что-то есть, верно? Ну давай же, скажи, что ты передумал.

Я огляделся – кругом странные заковыристые стеклянные штуковины и всякая блестящая аппаратура – и подумал, сколько все это должно стоить.

– Нет, – сказал я мрачно. – Пусть кто-нибудь делает это за деньги.

Дядя сморщился. Чуть не передернулся от этой мысли.

– А допустим, я предложу тебе небольшое вознаграждение за твои кулинарные услуги? – сказал он увещевающим тоном. – Ну, что бы ты хотел?

Я заставил его немного меня поугovarивать. Потом вздохнул и попросил велосипед. Дядя согласился мгновенно. Когда велосипед прибыл, оказалось, что он не ахти, – дядя сподобился только на подержанный, однако начало было положено. Я освоил методику.

Когда пришла зима, я повторил все снова. Дважды я отказывался готовить. После первого раза дядя начал регулярно выдавать мне карманные деньги, а после второго я получил собственные лыжи. Весной я попробовал еще раз и разжился конструктором. Летом мне удалось заполучить почти все, что мне требовалось. Осенью я даже вытряс из дяди Альфреда хороший фотоаппарат. Я знал, что веду себя расчетливо и коварно, ничем не лучше Дейзи, – но при этом я видел, что у всех моих друзей по школе есть и лыжи, и карманные деньги, причем они считали это чем-то само собой разумеющимся, никому из них не приходилось взамен заниматься готовкой; а еще я сказал себе, что это Рок сделал меня таким скверным, а раз уж так, почему бы не попользоваться.

Прекратил я этим заниматься, когда мне исполнилось двенадцать лет. Не потому, что исправился. Просто это было частью большого плана. Дело в том, что после двенадцати человек волен бросить школу, и я прекрасно знал, что дядя Альфред наверняка об этом подумал. Собственно, можно учиться и дальше, в Старшей школе, но только если за тебя заплатят. А если нет – иди ищи работу. Все мои друзья собирались в Старшую школу, в основном – в Соборную, где раньше училась Антея, а самые лучшие друзья – в Стольскую гимназию. Мне она казалась очень похожей на школу, описанную в книгах про Питера Дженкинса. Стоила она подороже других, но место, судя по всему, было отличное, а самое главное – там обучали волшебству. Я же твердо решил, что выучусь волшебству, как и мои друзья. Причем выучиться мне хотелось поскорее. А как же иначе, если живешь в доме, где минимум раз в неделю лестница заполняется непонятными запахами и странным жужжанием повседневных заклинаний, – это дядя Альфред берется за дело. А еще Дейзи Болджер сказала мне, что дядя Альфред и сам учился в Стольской гимназии. Я так никогда и не узнал, где эта девица выведывала подобные вещи.

Зная дядю Альфреда, я подозревал, что он попытается просто засадить меня дома. Возможно, даже уволит Дейзи и заставит меня вкалывать в магазине. А потому план мой был таков: в конце последней школьной четверти я пригрожу бросить готовку, а в качестве вознаграждения потребую оплатить мою учебу в Стольской гимназии. Не сработает – скажу, что уйду из дому и найду себе работу на равнине, а потом добавлю, что, если он отдаст меня в Соборную школу, я, так и быть, останусь.

План этот я составил, сидя в своей комнате и таращась на Столлери, мерцающий среди гор. Глядя на Столлери, я всегда начинал мечтать о странных, удивительных вещах, которых пока в моей жизни не было. А еще я думал, что Антея, видимо, вот так же сидела в своей комнате и так же строила планы, – вот только из ее бывшей комнаты Столлери не видно. Мама, кстати, с тех пор устроила там склад старых рукописей.

Надо сказать, что о Столлери тогда писали все газеты. Старый граф Рудольф внезапно скончался. Посетители в нашем магазине шушукались, что на самом-то деле он был еще довольно молод, да ведь только болезни на возраст не смотрят, верно?

– Его свели в могилу до срока, – объяснила мне миссис Потс. – Помяни мое слово. А новому графу, говорят, всего-то двадцать один. А сестре его и того меньше. Придется им поскорее обзавестись семьями, чтобы продолжить свой род. Она наверняка их заставит.

Дейзи была сама не своя до всяких свадеб. Она стала повсюду разыскивать какой-нибудь журнал с портретами нового графа Роберта и его сестры леди Фелиции. Но нашла только газету с объявлением о помолвке графа Роберта и леди Мэри Огворт.

– Всего-то несколько строк, – возмутилась она. – И вообще никаких фотографий.

– И не найдет Дейзи никаких фотографий, – сказала мне миссис Потс. – Уж эти в Столлери не любят шумихи. И прекрасно знают, как держать газетчиков на расстоянии. Я слышала, что их земли обнесены электрическим забором, а внутри вдоль него бегают свирепые псы. Очень она не любит, чтобы кто-то совал к ней нос.

– Кто это – она? – спросил я.

Миссис Потс ответила не сразу; она стояла на коленях на лестнице, ко мне спиной.

– Мاستику передай, – скомандовала она. – Спасибо. Она, – продолжала миссис Потс, медленно втирая мاستику, причем казалось, что ей это страшно нравится, – это старая графиня. Избавилась от мужа – отравила и затеребила его до смерти, так люди говорят, – а теперь не хочет, чтобы кто-то видел, как она обрабатывает нового графа. Люди говорят, что он и сейчас-то уже у нее под каблуком, бедняжка, а дальше будет только хуже. Она хочет прибрать к рукам всю власть и все деньги. Выдаст теперь его за девицу, которую сама же и выбрала, а потом будет помыкать ими обоими.

– Ну и жуть, – сказал я, надеясь на продолжение рассказа.

– Вот именно, – подтвердила миссис Потс. – Она, кстати, раньше была актрисой. Соблазнила старого графа, вскидывая ножки в кордебалете, – так люди говорят. И еще...

Увы, тут сверху буквально скатился дядя Альфред и опрокинул ведро с водой, отчего у миссис Потс немедленно разыгрались нервы. Подбить ее на новые сплетни о Столлери мне так и не удалось. Я подумал: опять Рок чинит мне препятствия. Впрочем, кое-что еще я вытянул из самого дяди Альфреда.

Лицо у него так и перекошилось от тревоги, и он сказал:

– Слышал, что там творится в Столлери? А дальше будет только хуже. Имен называть не стану, но кое-кто хочет совсем все прибрать к рукам. Боюсь, нас ждут новые перемены, Кон.

Дядя так разволновался, что обзвонил членов своего кружка волшебников, и они устроили экстренное заседание во вторник – дело неслыханное. После этого они стали встречаться и по вторникам, и по средам, поэтому мне приходилось каждую неделю затаскивать наверх двойную порцию пыльных бутылок с портвейном.

Недели эти так себе и тянулись, пока наконец не настал тот зловещий день, когда директриса выдала всем ученикам класса формуляры выпускников.

– Отнесите домой, родителям или опекунам, – пояснила она. – Скажете, что если они не планируют вашего дальнейшего обучения, пусть поставят подпись в графе «А». Если хотят, чтобы вы обучались в Старшей школе, пусть поставят подпись в графе «Б». Подписать формуляр они должны сегодня же. И чтобы завтра все принесли подписанные бумаги обратно.

Я отнес формуляр домой, настроившись на коварные происки и отчаянную борьбу. В дом я проник через задний двор и отправился прямо наверх, к маме. План мой состоял в том, чтобы заставить ее поставить подпись в графе «Б» еще до того, как дядя Альфред вообще узнает о существовании формуляра.

– Что это? – спросила мама рассеянно, когда я положил желтый лист бумаги перед пишущей машинкой.

– Формуляр выпускника, – объяснил я. – Если ты хочешь, чтобы я учился дальше, поставь подпись в графе «Б».

Она рассеянно откинула назад волосы:

– Но я не могу, Конрад, тебе ведь уже нашли работу. И надо же где – в Столлери. Должна сказать, что очень в тебе разочарована.

Я почувствовал, что из-под ног у меня, будто ковер, вытягивают весь мир.

– Столлери! – произнес я.

– Ну, ты ведь вроде именно об этом просил дядю, – произнесла мама.

А потом взяла формуляр и подписалась в графе «А» своим именем по мужу: «Ф. Тесдиник».

– Вот, Конрад, – сказала она. – А теперь я умываю руки.

Глава третья

Я стоял столбом. Ощущение было, что все меня предали. Я не знал, что думать, что делать. А когда пришел в себя, оказалось, что я лечу по лестнице вниз с формуляром наголо. Я ворвался в магазин – дядя Альфред стоял за кассой – и в ярости замахал формуляром у него перед физиономией.

– Что еще за чушь ты придумал? – заорал я чуть ли не во весь голос.

Многие покупатели оторвались от книг и уставились на меня. Дядя Альфред глянул на них, моргнул мне, а потом сказал Дейзи:

– Побудешь тут минутку? – выскочил из-за кассы и схватил меня за рукав. – Пойдем в кабинет, я тебе все объясню.

Он, можно сказать, выволок меня из магазина. В свободной руке я по-прежнему держал формуляр и размахивал им, а еще я, кажется, продолжал орать.

– Что ты мне объяснишь? – вопил я, пока он тащил меня вверх по лестнице. – Да как ты можешь? Ты не имеешь права!

Когда мы оказались у кабинета, дядя Альфред втолкнул меня внутрь – там стоял густой запах недавнего волшебства – и с грохотом захлопнул за нами дверь. Потом поправил на носу очки, которые я ему скособочил. Он пыхтел и, судя по виду, разволновался пуще обычного, вот только мне было решительно наплевать. Я открыл рот, чтобы заорать на него снова.

– Стой, Кон, не надо, – серьезным голосом произнес дядя Альфред. – Я тебя очень прошу. Я делаю для тебя все, что в моих силах. Честное слово. Все дело в твоём Роке, в этой твоей несчастной дурной карме.

– Да она-то тут при чем? – выпалил я.

– При всем, – ответил дядя. – Я уж и таким гаданием пробовал, и этаким, и всё к одному: дела даже хуже, чем я думал. Если ты не исправишь этот свой грех из прошлой жизни – причем прямо сейчас, – то не пройдет и года, как ты умрешь страшной и мучительной смертью.

– Что? – воскликнул я. – Я тебе не верю!

– Это правда, – настаивал дядя. – Властители Кармы просто уничтожат тебя, чтобы ты начал все заново в следующем воплощении. Они, знаешь ли, ребята суровые. Впрочем, я не жду, что ты вот так просто мне поверишь. Приходи-ка ты сегодня вечером к нам на заседание кружка волшебников и послушай, что скажут другие. Они тебя не знают, я им ничего о тебе не рассказывал, но готов побиться об заклад, что карму твою они вычислят сразу. Говоря до свирепости откровенно, она висит над тобой, прямо как черная туча, Кон.

Мне сделалось жутко. Во рту пересохло, по желудку пошли какие-то противные волны.

– Но, – начал я и обнаружил, что голос мой сел до шепота, – но это-то тут при чем?

Я попытался снова махнуть формуляром, но он лишь слегка колыхнулся. Рука моя совсем ослабела.

– Лучше бы ты с этим сначала пришел ко мне, – сказал дядя. – Я бы тебе все объяснил. Понимаешь ли, я выяснил, в чем состоит твой грех. В предыдущей твоей жизни Властители Кармы потребовали, чтобы ты кое с кем разделался. А ты не разделался. Струсил и отпустил его живым. А теперь этот человек родился снова и в нынешней жизни продолжает творить зло...

– Но я не понимаю... – начал было я.

Дядя остановил меня взмахом руки. Рука при этом дрожала. Он и вообще весь трясся от волнения.

– Дай мне закончить, Кон. Дай мне сказать все. С тех пор как я выяснил, в чем корни твоего Рока, я прибегал к всевозможным гаданиям, чтобы определить, кто же этот человек, с которым ты не разделался. Это оказалось очень непросто – ты и без меня знаешь, как эти чародеи из Столлери мешают нам творить заветы, – но тем не менее я почти уверен в ответе. Это кто-то из обитателей Столлери.

– В смысле, новый граф? – спросил я.

– Не знаю, – ответил дядя. – Кто-то из них. Кто-то там в Столлери обладает великой мощью и творит злые дела, и обликом он в точности схож с тем человеком, кого ты должен был прикончить в прошлой жизни. Вот и все, что мне удалось выяснить, Кон. С другой стороны, все не так плохо. Мы же знаем, где его или ее искать. Вот почему я устроил так, чтобы тебя взяли в Столлери на работу.

– А на какую работу? – спросил я.

– Лакеем, – ответил дядя Альфред. – Собственно, работа тебе знакомая. Их тамошний управляющий или дворецкий зовется мистер Амос; он решил в ближайшее время нанять нескольких выпускников школы, чтобы подготовить прислугу для нового графа. Сразу после окончания последней четверти он вызовет всех вас на собеседование. И возьмет именно тебя, Кон, вот за это можешь не волноваться. Я наложу на тебя капитальное заклятие, выбора у него, почитай, не будет. Так что на предмет того, получишь ли ты эту работу, можешь не переживать. А как получишь, ты окажешься в самой гуще событий: будешь чистить сапоги и бегать по поручениям – и у тебя появится целая пропасть возможностей отыскать человека, повинного в этой твоей страшной карме...

«Чистить сапоги!» – ужаснулся я про себя и едва не расплакался. Дядя продолжал говорить – встревоженно, настойчиво, но я уже ничего не слышал. И дело было даже не в том, что мой тщательно продуманный план рухнул. А скорее в том, что я внезапно понял, для чего этот план был мне нужен на самом деле. До того я и сам себе в этом не признавался, а теперь вдруг понял – понял с невероятной отчетливостью, – что хотел стать таким же, как Антея, сбежать из магазина, сбежать из Столчестера, уехать в какое-нибудь совсем другое место и чего-нибудь там добиться. Чего именно – я пока даже и не загадывал, но тут вдруг полезли вари-

анты: стать летчиком-асом, или прославленным хирургом, или знаменитым ученым, а лучше всего – выучиться на самого великого волшебника в мире.

Это было как заглядывать в замочную скважину двери, которую только что с грохотом захлопнули прямо перед моим носом. Будь у меня нормальное образование, я мог бы заняться целой кучей интересных вещей. А вместо этого придется всю жизнь чистить сапоги.

– Не хочу я! – вырвалось у меня. – Я хочу учиться в Стольской гимназии!

– Все, что я тебе говорил, ты пропустил мимо ушей, – возмутился дядя Альфред. – Сначала, Кон, ты должен разобраться с этим своим Злым Роком. Не разберешься – еще до конца года умрешь в страшных мучениях. Как попадешь в Столлери, выясни, кто этот негодяй, и разделайся с ним или с ней, а уж дальше что хочешь, то и делай. Уж после этого я определю тебя в Стольскую гимназию в мгновение ока! Можешь не сомневаться.

– Честное слово? – уточнил я.

– Честное слово, – ответил дядя.

Мне показалось, что та самая дверь тихонечко приотворилась снова. Да, нужно перешагнуть через неудобный порог, который называется «Дурная Карма, Злой Рок», но я уж как-нибудь перешагну. Я услышал собственный долгий облегченный выдох.

– Ну ладно, – сказала.

Дядя Альфред похлопал меня по плечу:

– Вот и молодец. Я знал, что ты все поймешь правильно. Но я вовсе не жду, что ты поверишь мне на слово. Приходи сегодня на заседание кружка волшебников, послушай, что там скажут. Ну как, оклемался?

Вроде бы да. Так что я кивнул.

– Можно, тогда я вернусь в магазин? – попросил дядя. – А то у Дейзи пока опыта мало-мало.

Я снова кивнул. Впрочем, когда он выпихнул меня обратно на лестницу, в голову мне пришла еще одна мысль:

– А кто же будет готовить, если я уеду? – спросил я.

Странно, что я не сразу об этом подумал.

– На этот счет не переживай, – сказал дядя. – Мы найдем в кухарки маму Дейзи. Дейзи постоянно рассказывает, как она отлично готовит.

Я добрал до своей комнаты и устался на Столлери, который поблескивал из своей расщелины между горами. Мозг мой напоминал человека, мечущегося в темноте среди уймы столов и шкафов с острыми углами. Вот и я то и дело натыкался на какой-нибудь угол. Никакого тебе высшего образования, если откажешься чистить сапоги в Столлери, – это был первый угол. Властители Кармы уничтожат тебя за ненадобностью – второй. Там, за одним из сияющих окон, сидит существо настолько злобное, что с ним необходимо расправиться, – это был еще один угол, и расправиться с ним мне предстоит теперь, потому что в предыдущей жизни я дал в этом плане слабину. А после этого я впилился в самый острый угол. Если я этого не сделаю, я сам погибну. Так что выбор прост: либо оно, либо я.

Либо оно, либо я, повторял я про себя. Оно либо я.

Эти слова все крутились у меня в голове, пока я вечером помогал дяде Альфреду затаскивать бутылки с портвейном к нему в кабинет. В дверь войти пришлось спиной вперед, потому что в каждой руке у меня было по две штуки.

– Чтоб я провалился, – произнес кто-то позади меня. – Какая жуткая карма!

Не успел я повернуться, как другой голос добавил:

– Дорогой Альфред, ведомо ли вам, что над вашим племянником тяготеет самый что ни на есть Злой Рок?

Все волшебники из кружка уже были на месте, я как-то умудрился проморгать их появление. Двое курили сигары, наполняя кабинет густым синим дымом, отчего комната вроде как поменяла и форму, и размер. Вместо обычного верстака, пробирок и всяких приборов в ней стояли кругом удобные кресла, рядом с каждым – небольшой столик. А в центре имелся стол побольше, нагруженный бутылками, бокалами и несколькими графинами.

Сидевших в креслах я по большей части знал, по крайней мере – в лицо. Так, густое красное вино себе в бокал наливал мистер Сейли, мэр Столчестера и владелец кузницы на другом конце города. Он передал графин мистеру Джонсону, хозяину мотелей и лыжных подъемников. Сидевший с ним рядом мистер Придди был директором казино. Одну из сигар курил мистер Хокинс, портной, а другую – мистер Феллиш, собственник «Столчестерского вестника». Мистер Гудвин, сидевший дальше, был владельцем большой сети местных магазинов. Как зовут еще двоих, я точно сказать не мог, зато знал, что долговязому принадлежит вся земля в округе, а толстопузому – все автобусы и трамваи. Тут же был и мистер Лодер, мясник, – он помогал дяде Альфреду раскупоривать бутылки и аккуратно переливать портвейн в графины. Густой ореховый запах портвейна перебивал запах сигар.

У всех у них были почтенные и проницательные лица, на всех была дорогая одежда, отчего мне стало еще более неловко выдерживать их встревоженные взгляды. Мэр Сейли отхлебнул вина и слегка покачал головой:

– Недолго ему осталось, если не предпринять срочных действий, – сказал он. – Но в чем причина? Кто-нибудь может сказать?

– По всему судя, в чем-то... нет, в ком-то, с кем он должен был разделаться в предыдущей жизни, – сказал мистер Хокинс, портной.

Долговязый землевладелец кивнул.

– Пока еще есть шанс это исправить, только он им почему-то не воспользовался, – изрек он глубоким мрачным голосом. – Но почему?

Дядя Альфред знаком велел мне не стоять столбом и не тарашиться, а вместо этого поставить бутылки на стол.

– Да потому, – ответил он, – что, говоря до свирепости откровенно, я сам только-только понял, с кем ему необходимо разделаться. С кем-то из обитателей Столлери.

Раздался дружный стон.

– Ну так отправьте его туда, – посоветовал мистер Феллиш.

– Я и отправляю. Прямо на следующей неделе, – ответил дядя. – Раньше просто возможности нет.

– Вот и хорошо. Лучше поздно, чем никогда, – изрек мэр Сейли.

– А знаете что, – вступил в разговор мистер Придди, – лично меня совсем не удивляет, что это кто-то из Столлери. Рок-то у мальчишки – врагу не пожелаешь. Своей злокозненностью он как раз под стать их тамошней мощи, а мощь у них такова, что постоянно воздействует на средства коммуникации и препятствует достижению нашим городом заслуженного процветания.

– Столлери воздействуют не только на наш город, – поправил его мэр Сейли. – Они давно уже держат весь мир в своей финансовой власти, будто в тенетах. Я чуть не каждый день с этим сталкиваюсь. У них куда ни глянь – магические закупорки, в итоге они зарабатывают деньги, а я – нет. А стоит мне попытаться эти закупорки обойти – хлоп! Половину прибыли как корова языком.

– Ну, к этому нам всем не привыкать, – согласился мистер Гудвин. – И вы только подумайте: наше спасение у этого парнишки в руках. Как, кстати, и его собственное.

Я стоял у стола, поворачиваясь то к одному говорившему, то к другому. С каждой новой репликой во рту у меня пересыхало все сильнее. Собственно, они уже нагнали на меня такого ужаса, что я и сглатывал-то с трудом. Попытался задать вопрос, но не смог.

Дядя, похоже, догадался, что мне не дает покоя. Он обернулся. Он повернул свой бокал к свету, так что вырвавшийся из него красный блик упал ему прямо на лоб, и сказал:

– Все это, конечно, совершенно замечательно, но как моему племяннику опознать этого человека, когда он его увидит? Ты ведь об этом хотел спросить, верно, Кон?

Об этом, вот только мне уже и кивнуть было не под силу.

– Да запросто, – ответил мэр Сейли. – Настанет момент, когда он просто *поймет*. Во всех кармических ситуациях обязательно случается момент озарения. Нужный ему человек что-то скажет или сделает, и у него в мозгу будто щелкнет выключатель. Яркий свет вспыхнет у мальчика в голове, и он сразу все поймет.

Остальные дружно закивали и что-то забормотали в знак согласия – да, все именно так, а дядя Альфред уточнил:

– Ну как, скумекал, Кон?

На сей раз я все-таки сумел кивнуть.

А мэр Сейли произнес:

– Однако ему также необходимо знать, как поступить с этим человеком, когда он все поймет. Это весьма важный момент. Почему бы ему, например, не использовать уравнение Гранека?

– Сложновато будет, – возразил мистер Гудвин. – Я бы скорее предложил заклятие Болие.

– На мой взгляд, лучше простой, понятный Белопух, – предложил мистер Лодер, мясник.

После этого они принялись сыпать всякими вариантами, совершенно для меня невразумительными, причем каждый с пеной у рта отстаивал правильность своего. Вскоре долговязый землевладелец уже лупил бокалом по столику рядом со своим креслом и ревел:

– Да этого негодяя нужно устранить разом, быстро и надежно! Кроме Скорострела, тут вообще ничего не годится!

– Я прошу не забывать, – взволнованно вставил дядя, – что Кон – всего лишь мальчик и волшебством не владеет вовсе.

После этого повисло молчание.

– А! – вымолвил наконец мэр Сейли. – Ну да. Конечно. В таком случае, как мне кажется, оптимальное решение – обучить его призывать Странника.

Тут все разом загомонили: «Ну конечно! Во-во, самое то! Странника. Как мы раньше-то не подумали?»

Мэр Сейли обвел весь кружок взглядом и проговорил:

– Все согласны? Вот и хорошо. Так, и чем же мы его снабдим на этот случай? Нужно что-нибудь совсем простое и незамысловатое, чтобы не вызвало подозрений... А! Да. Прекрасно подойдет пробка от одной из бутылок.

Он протянул руку (на пальце сверкнуло изумительное золотое кольцо), и мистер Лодер передал ему перепачканную бурым пробку от бутылки, которую только что опорожнили в графин. Мистер Сейли взял пробку и на секунду крепко стиснул в ладонях. Потом кивнул и передал ее мистеру Джонсону, тот тоже стиснул пробку и передал дальше. Пробка медленно прошла по всему кругу, не миновав и дядю Альфреда с мистером Лодером, стоявших у стола; мистер Лодер вернул ее мэру.

Мистер Сейли взял пробку большим и указательным пальцем и жестом велел мне приблизиться. Дар речи ко мне так и не вернулся. Я стоял, глядя на его стрижку, явно от дорогого парикмахера – тот умудрился сделать так, что проплешину на макушке было почти не видно, – и дивился тому, какой же он с виду благополучный и круглый. Я вдыхал фруктово-ореховый запах портвейна, гладкой и качественной скатерти, легкое дуновение лосьона после бритья и кивал на все, что мэр мне говорил.

– От тебя требуется совсем немного, – начал он. – Сначала достичь просветления, а потом достать эту пробку. Возьмешь ее так, как вот я сейчас держу, и скажешь: «Призываю Странника, и да принесет он мне все необходимое». Запомнил?

Я кивнул. Запомнить, строго говоря, было несложно.

– Странника, возможно, придется немного подождать, – продолжал мэр Сейли. – А когда увидишь его, не пугайся. Он может оказаться больше, чем ты думаешь. Странник подойдет к тебе и даст тебе некий предмет, какой именно – не знаю. Странники для того и придуманы, чтобы приносить именно то, что нужно. А ты непременно должен взамен отдать ему эту пробку. Странники за просто так никому ничего не дают. Уяснил? – спросил он.

Я кивнул снова.

– Тогда бери пробку и держи ее при себе днем и ночью. И главное – никому не показывай. Надеюсь, что, когда мы встретимся снова, у тебя уже вообще не будет никакой кармы.

Я взял пробку – с виду это была самая обычная пробка; и тут мистер Джонсон сказал:

– Ну что же. С этим покончено. отошлите его, Альфред, и начнем наше заседание.

Дядя Альфред мог бы не трудиться и не дергать головой – я бы и так ушел. Я выскочил за дверь как ошпаренный и помчался на кухню налить себе стакан воды. Вот только когда я добежал, во рту уже совсем не было сухо. Странное дело, но я почувствовал такое облегчение, что удивляться было уже некогда. Кстати, я больше почти не боялся, и это тоже было очень странно, но я как-то тогда об этом не подумал.

Глава четвертая

Но чем меньше дней оставалось до конца недели, тем мне делалось тревожнее. Самым паршивым моментом стало школьное собрание перед выпуском: мне пришлось сесть слева, среди тех, кто не собирается учиться дальше, а все мои друзья сидели по другую сторону от прохода, потому что отправлялись в одну из Старших школ. Меня же будто вышвырнули за борт. А еще, сидя там, я сообразил, что, даже если я отыщу этого неведомого злодея и разделаюсь с ним, мне все равно придется учиться на класс младше всех своих друзей. На моей стороне класса сидели мальчик, который уже получил место в кузнице у мэра Сейли, и девочка, которой предстояло учиться на горничную в доме у мистера Гудвина. Я же пока был без работы.

А потом до меня вдруг дошло, что мне предстоит одному ехать в незнакомое место, а я понятия не имею, что там делать и как себя вести; так мало того – мне еще предстоит отыскать там человека, который накликать на меня мой Злой Рок. Я попытался еще раз повторить про себя: «Либо я, либо оно», но на сей раз это совсем не помогло. Вернувшись домой, я посмотрел через окно на Столлери, и мне стало страшно. Я сообразил, что не знаю про это место ровным счетом ничего, кроме того, что колдовство там так и кишит, а один из обитателей – злодей злодеем. Когда пришел дядя Альфред и отвел меня к себе в кабинет, чтобы наложить на меня заклятие, которое заставит мистера Амоса взять на работу в Столлери именно меня, я едва передвигал ноги. Они тряслись.

В кабинете все опять стало по-прежнему. И мягкие кресла, и портвейн исчезли без следа. Дядя Альфред нарисовал на полу круг мелом и велел мне встать в него. Помимо этого, магия оказалась точь-в-точь как обыкновенная жизнь. Я ничего такого особенного не почувствовал и не заметил, вот разве что в самом конце раздалось совсем тихое жужжание. Зато дядя Альфред, закончив, так и сиял.

– То-то! – сказал он. – Я отвратил всякую вероятность того, что тебя не возьмут, Кон! Заклятие сидит плотно, как гидрокостюм.

Я поплелся прочь, дрожа мелкой дрожью. Сомнения и неизвестность так меня замучили, что я даже решился побеспокоить маму. Она сидела за своим колченогим столом и вычитывала длинные полосы бумаги, делая на полях какие-то пометки.

– Говори быстрее, чего там у тебя, – сказала она, – а не то я лишусь места на сих благословенных галерах.

Вопросов у меня было ой как много, но тут в голову пришел лишь один:

– А когда я завтра поеду в Столлери, мне брать с собой какую-нибудь одежду?

– Спроси у дяди, – ответила мама. – Вы же с ним затеяли всю эту несусветицу. Да, и не забудь вечером принять ванну и вымыть голову.

Тогда я отправился вниз, где дядя Альфред распаковывал в дальней комнате путеводители, и задал ему тот же самый вопрос.

– И еще – можно мне взять фотоаппарат? – поинтересовался я.

Он дернул себя за губу и задумался.

– Говоря откровенно, по-хорошему не надо бы тебе ничего брать, – сказал он. – Ты ведь завтра отправляешься только на собеседование. Однако, если закливание сработает, работу ты получишь и, возможно, приступить к ней придется незамедлительно. Я знаю, что слугам там выдают форменную одежду. А вот про нижнее белье – не в курсе. Да, пожалуй, тебе стоит взять смену нижнего белья. Но тайком, чтобы не выдать своей уверенности, что тебя возьмут. Им это не понравится.

От этих слов я разнервничался еще сильнее. Я-то думал, что закливание все решило бесповоротно. А тут на короткий и совершенно блаженный миг я раз мечтался: а если я как-нибудь совершенно ужасно нахамлю им там в Столлери, может, меня вышвырнут за дверь и не возьмут ни на какую работу? И тогда я со следующего полугодия поступлю в Стольскую гимназию. Потом я сообразил, что ничего из этого не выйдет, куда ж денешь мой Злой Рок. Я вздохнул и пошел собирать вещи.

Трамвай, который залезал в гору и проходил мимо Столлери, отправлялся с рыночной площади в полдень. Дядя Альфред проводил меня до остановки. Я оделся во все лучшее и держал в руке пакет – якобы с обедом. Сверху я ловко пристроил сверток с бутербродами и бутылку сока. Под ними лежали мои трусы и носки, в которые я завернул фотоаппарат и последнюю книжку про Питера Дженкинса – я решил, что уж одной книгой из магазина дядя Альфред ради меня как-нибудь может пожертвовать.

Когда мы вышли на площадь, трамвай уже стоял и стремительно заполнялся пассажирами.

– Садись, а то тебе места не хватит, – подтолкнул меня дядя. – Удачи, Кон, я тебя обнимаю и покидаю. Да, и еще, – добавил он, когда я уже полез по металлическим ступенькам в трамвай. Дядя поманил меня, я спустился обратно. – Забыл одну вещь, – сказал он и отвел меня в сторонку. – Мистеру Амосу скажешь, что твоя фамилия Грант. В смысле, как у меня. Если ты назовешь им этакое вычурное имя, Тесдиник, они решат, что ты выпендриваешься и им не подходишь. Так что отныне звать тебя Конрад Грант. Не забудешь?

– Не забуду, – сказал я. – Грант.

Как ни странно, мне стало легче. У меня появилась тайная кличка, как у всех уважающих себя персонажей книг про Питера Дженкинса, которые жили полной приключений двойной жизнью. Я решил, что вроде как стал тайным агентом. Грант. Я ухмыльнулся и довольно жизнерадостно помахал дяде Альфреду, потом снова влез по ступенькам, купил билет. Дядя помахал в ответ и стремительно зашагал прочь.

Примерно половину пассажиров составляли мальчишки и девчонки моих лет. Почти у всех в руках были полиэтиленовые пакеты вроде моего, с бутербродами. Поначалу я решил,

что они учатся в какой-то другой городской школе и едут по случаю окончания учебного года на экскурсию в Столстед. Трамвай, на котором можно было доехать до Столлери, шел по круговому маршруту – сперва поднимался в горы до самого Столстеда, а потом снова спускался в Столчестер рядом с кузницей. Столстед – очень милая деревушка, притаившаяся в зелени Альп. Летом туда ездят пить чай со сливками и гулять по окрестностям.

И вот трамвай лязгнул, дернулся и поехал. Сердце мое и желудок дернулись в противоположном направлении, и всех мыслей у меня осталась только одна: как же мне страшно. Вот оно и пришло, думал я. Обратной дороги нет. Не помню, видел ли я магазины, дома и вообще пригороды, через которые мы проезжали. Замечать что-то вокруг я начал только в предгорьях, среди леса, где зубцы под днищем трамвая стали сцепляться с зубцами между рельсами, дзынь, и мы рывками взбирались все выше и выше, брумс, брумс, брумс.

От этого я слегка встряхнулся. Стал смотреть на скалы и зеленые деревья, все в брызгах солнечного света, и подумал, так, отвлеченно, что вокруг, наверное, довольно красиво. А потом до меня дошло, что никто в трамвае не болтает, не смеется и не валяет дурака – как это обычно бывает на школьных экскурсиях. Все ребята сидели и тихо тарасились на окрестности, точно так же, как и я.

Не может же быть, чтобы все они ехали в Столлери на собеседование! – подумал я. Не может быть! Вот только сопровождающих учителей я в трамвае не обнаружил. Тогда я крепко стиснул в кармане немного липкую пробку и стал гадать, дойдет ли дело до того, чтобы вызывать Странника и кто (или что) это такое. Вызывать-то всяко придется, в противном случае – верная смерть. И тут я понял, что если на работу возьмут не меня, а кого-то из этих ребятшек, мне тем самым подпишут смертный приговор.

Тут мне стало совсем страшно. Я все вспоминал слова дяди Альфреда: не показывай, что взял с собой смену белья, да еще и назовись Грантом, – похоже, он был не слишком уверен, что заклятие сработает; словом, так страшно мне еще не было никогда в жизни. Когда трамвай снова покотился по ровному месту, я стал смотреть вниз, на раскинувшийся там Столчестер, на голубые пики ледника, на Столовый утес – а потом все в глазах начало расплываться от ужаса.

До Столлери трамвай добирается час с лишним – карабкается по крутым участкам, грохочет по каменистому плато, останавливается рядом с уединенными трактирами и домишками, что лепятся по одному-два на верхотурах. На каждой остановке несколько пассажиров выходило, но всё это были взрослые. А дети сидели на своих местах, как и я. Ну пусть они все едут в Столстед! – взмолился я мысленно. При этом я заметил, что те, у кого были при себе пакеты с едой, ничего по дороге не жевали – можно подумать, им с перепугу кусок в горло не лезет, прямо как мне. А впрочем, возможно, они просто хотят как следует попить в Столстеде, подумал я. Это была моя последняя надежда.

И вот мы наконец покотились по более или менее ровному месту; здесь раскинулись рощицы, лужайки, сбоку даже виднелась ферма. Обычная долина, почти как внизу. Вот только по другую сторону дороги высилась темная стена с шипами поверху. Я знал, что этой стеной окружен Столлери, – значит, забрались мы уже очень высоко. Я даже чувствовал присутствие волшебства, в виде едва слышного гула. Сердце заколотилось так, что даже сделалось больно.

Стена казалась чуть ли не бесконечной, а дорога вилась вдоль нее. На ее темной поверхности не было ни единого разрыва; но вот трамвай плавно вошел в поворот и начал тормозить. Впереди показались высокие ворота с башней, в которой, похоже, еще и жили – по крайней мере, окна я там заметил, – а неподалеку, через дорогу, возле живой изгороди на уступе, я, к своему удивлению, увидел цыганский табор. Там стояла пара потрепанных кибиток, старая серая лошадь пыталась подкрепиться, объедая изгородь, а вдоль уступа носилась белая собака. Я вяло удивился, почему их отсюда не выгнали. Терпеть цыган у самых ворот – как-то это непохоже на Столлери. Впрочем, мне было уж совсем не до того.

Динь-дон, звякнул трамвай, объявляя об остановке.

К воротам подошел какой-то человек в коричневой форменной одежде и встал, дожидаясь. В руках у него было два коричневых бумажных пакета очень странной формы. Барометры? – подумал я. Часы? Когда трамвай остановился, человек передал пакеты вагоновожатому.

– Часовщику в Столстед, – сказал он.

А когда вагоновожатый открыл двери, человек подошел к ним вплотную.

– Южные Ворота Столлери, – объявил он громко. – Молодым людям, которые насчет работы, выходить здесь.

Я подскочил. Весь остальной молодняк, к моему огорчению, тоже. Мы столпились у двери, а потом попрыгали по ступеням на дорогу, все до единого; надвратная башня будто бы навалилась на нас. Трамвай опять звякнул и с воем покотился дальше, оставив нас наедине с нашей судьбой.

– Прошу за мной, – сказал человек в коричневой форме, поворачиваясь к воротам.

В эти ворота, при желании, мог бы въехать и трамвай – они напоминали огромный разъявленный рот на физиономии надвратной башни. Створки медленно разошлись, пропуская нас.

Все стали протискиваться вперед, и я как-то очутился в самом хвосте. Ноги слушались плохо. Я ничего не мог с этим поделать. За спиной, на другой стороне дороги, кто-то выкрикнул звонко и бодро:

– Ну, счастливо. Спасибо, что подвезли.

Я оглянулся и увидел, что из кибитки, стоявшей посередине (а до того я не заметил, что кибиток три), выскочил высокий мальчишка, машистым шагом пересек дорогу и присоединился к нам.

Да уж, из обтерханной, сломанной кибитки могло вылезти все, что угодно, но только не такое. Одет мальчишка был с иголочки – в шелковую рубаху, синюю льняную курточку и безупречно отглаженные брюки; черные волосы были аккуратно подстрижены, причем сразу видно – у дорогого парикмахера. Был он постарше нас всех – лет пятнадцать, не меньше, определил я, – и если и было в нем что цыганское, так это темные, совсем темные глаза на симпатичном, излучающем уверенность лице.

Я увидел его – и сердце мое упало. Его, и никого другого, возьмут на работу в Столлери, это ясно как день.

Привратник прошел мимо мальчишки, толкнув его плечом, и заорал на цыган, потрясая кулаками:

– Вас что, не предупреждали? А ну, валите отсюда!

С кучерского места первой кибитки в ответ донеслось:

– Просим прощения, ваша честь! Уже двинули!

– Так вот и двигайте! – заорал привратник. – Прочь отсюда! Да живо. А то!..

К великому моему удивлению, все пять кибиток тронулись одновременно. А я до того и не сообразил, что их так много, а еще мне казалось, что серая лошадь объедает изгородь и вообще никуда не впряжена. Еще мне смутно помнилось, что возле кибиток горит костер, а над ним подвешен медный котелок. Но потом я понял, что всё запомнил неправильно – когда все шесть кибиток, дребезжа, покатали по дороге, оставив за собой совершенно пустую поляну; двинулись они в направлении Столстеда. Белая псина, которая до того обнюхивала изгородь немного дальше по дороге, понеслась следом и пристроилась за последней кибиткой. Из кибитки высунулась худая смуглая рука и втащила псину внутрь – та отчаянно отбрыкивалась. Как мне показалось, псина была удивлена не меньше, чем я сам.

Привратник хмыкнул и протолкался между нами обратно к открытым воротам.

– Входите, – сказал он.

Мы послушно зашагали между стенами надвратной башни. Когда я поравнялся с воротами, то почувствовал, что магическая защита Столлери прошла по моему телу, будто бензопила. Линия, по счастью, оказалась совсем тонкой, но все равно в момент пересечения мне почудилось, что на меня набросился целый рой электрических пчел. Я пискнул. Высокий мальчишка, шагавший за мной следом, произнес что-то вроде «Уфф!», остальные же, похоже, вообще ничего не заметили, потому что мы почти тут же вышли из-под надвратной башни в огромный, безупречно ухоженный парк. Тут все мы одобрительно загомонили.

Куда ни посмотри, простиралась идеально подстриженная зеленая лужайка с мягкими всхолмиями, по ней между элегантными кучами деревьев петляла ровной лентой ухоженная дорожка. То тут, то там зелень круглилась холмиками – их венчали либо деревья, либо небольшие беседки с белыми колоннами. И все это тянулось до самого горизонта и таяло в синей дымке.

– А где дом? – поинтересовалась какая-то девочка.
Привратник усмехнулся:

– До него мили две. Так что двигайте. Как дойдете до дорожки, что ответвляется вправо, на нее и сворачивайте, да шагайте дальше. Покажется особняк – снова берите правее. Там вас кто-нибудь встретит и покажет, куда дальше.

– А вы с нами не пойдете? – спросила та же девочка.

– Нет, – ответил привратник. – Моя служба – у ворот. Давайте, ходу.

Мы двинули, сбившись на дорожке в неуверенную кучку, словно стадо заблудившихся овец. Мы шагали, пока стена и ворота не исчезли между двух зеленых холмов, но особняк так и не показался. Тут начались вздохи и шарканье ногами, особенно среди девочек. На них на всех были туфельки, на которые и смотреть-то больно, а еще у большинства были платья по последней моде, в которых колени буквально притиснуты одна к другой и приходится не идти, а семенить. Некоторые из мальчиков явились в парадных костюмах из плотной материи. Им было совсем жарко, а один мальчишка, в домодельных ботинках, хромал почище многих девчонок.

– Я ногу натерла, – пожаловалась одна из девочек. – Нам еще далеко идти?

– А может, это такое специальное испытание, – предположил мальчишка в домодельных ботинках.

– Да уж наверняка, – подтвердил высокий мальчик из цыганской кибитки. – Это специальная дорожка – она водит нас кругами, пока не вымрут все, кроме самых крепких. Шутка, – добавил он, услышав дружный стон. – А может, нам стоит передохнуть? – Блестящие темные глаза пробежались по нашим пакетам с едой. – Почему бы нам не присесть на эту дивную мягкую травку и не устроить пикник?

Ответом ему стало всеобщее негодование.

– Нельзя! – выкрикнула половина из нас. – Нас же ждут!

А остальные добавили чуть ли не в один голос:

– Я же свою парадную одежду испорчу!

Высокий мальчик стоял, заложив руки в карманы, и смотрел на наши разгоряченные, встревоженные лица.

– Если мы им там так уж нужны, – сказал он, будто бросая пробный шар, – могли бы потрудиться прислать за нами машину.

– Да кто же будет посылать машину за слугами! – возразила одна из девочек.

Высокий мальчик кивнул:

– Пожалуй, ты права.

Мне почему-то показалось, что до этого момента этот мальчишка не имел ни малейшего понятия, почему мы все здесь оказались. Я видел, что он обдумывает то, что услышал.

– И тем не менее, – сказал он наконец, – даже слугам ничто не мешает снять обувь и походить по этой мягкой травке, верно? Никто же не увидит.

Все лица повернулись к нему с проблеском надежды.

– Валяйте, – сказал он. – А как подойдем поближе к дому, можете снова обуться.

Чуть ли не половина последовала его совету. Девчонки сбросили туфли; мальчишки расшнуровали ботинки. Высокий шагал сзади с довольной, хотя и слегка высокомерной улыбкой и наблюдал, как они шлепают босиком по мягкой траве. Некоторые девочки задрали узкие юбки повыше. Мальчишки скинули пиджаки.

– Вот так-то лучше, – сказал высокий. Потом повернулся ко мне: – А ты чего?

– У меня ботинки старые, – сказал я, указывая пальцем. – Они не трут.

Его собственные ботинки, судя по всему, были ручной работы. Сидели как влитые. Тут мне в голову закралось подозрение.

– Если это правда такое испытание, как ты сказал, они его только что провалили, причем по твоей вине, – выложил я.

Мальчик передернул плечами.

– Все зависит от того, нужны ли в Столлери босоногие горничные и лакеи с огромными волосатыми пальцами на ногах, – сказал он и – готов поклясться – бросил на меня очень пристальный взгляд, будто уточняя, на эти ли должности мы все тут нацелились. Потом его внимательные темные глаза остановились на моем пакете. – У тебя не найдется лишнего бутерброда? Жутко хочется есть. Цыгане едят только тогда, когда разживутся хоть чем-нибудь съестным, вот только пока я ехал с ними, им, похоже, не слишком везло.

Я протянул ему бутерброд, а другой взял себе.

– Вряд ли ты так уж много времени провел с цыганами, – заметил я. – У тебя даже одежда не помялась.

– Ты не поверишь, – сказал он. – Я провел с ними почти месяц. Большое тебе спасибо.

Мы зашагали дальше, жуя яйцо и кресс-салат; дорога же уходила все вперед; вддали показались новые холмы с деревьями и ажурными беседками на вершинах; другие ребята кучкой шагали впереди. Многие из них тоже пытались жевать бутерброды, не теряя при этом пиджаков, обуви и пакетов.

– Как тебя зовут? – спросил я через некоторое время.

– Можешь называть меня Кристофером, – ответил он. – А тебя?

– Конрад Те... Грант, – ответил я, вовремя вспомнив, что у меня теперь новое имя.

– Конрад Тигран? – переспросил он.

– Нет, – ответил я. – Просто Грант.

– Ну хорошо, – согласился он. – Буду звать тебя Грант. И что, Грант, ты мечтаешь о том, чтобы стать лакеем и вышагивать по Столлери с обтянутой бархатом икрой?

Икрой? – не понял я. Представил, как подаю к столу икру в бархатном мешочке. Так, что ли?

– Не знаю, что там и чем обтягивают, – сказал я, – но одно знаю точно: на службу из нас возьмут одного-двух, не больше.

– Это само собой разумеется, – кивнул Кристофер. – Так что в тебе, Грант, я усматриваю своего главного соперника.

Я думал в точности то же самое про него, так что его ответ меня просто ошарашил. Мы в молчании миновали еще один изгиб дорожки, а за ним обнаружили цветочные клумбы, разбитые в тени деревьев: судя по всему, мы приблизились к саду, окружавшему дом. Тут из-за ближайших деревьев выскочила собака и рванула к нам со всех ног. Собака была здоровенная. Те, что шли по траве, тут же впали в панику и принялись орать, что это, наверное, сторожевая собака, которую специально спустили с цепи. Какая-то девчонка заверещала. Мальчишка с домодельными ботинками в руках замахнулся ими, явно чтобы швырнуть в собаку.

– Не вздумай, идиот! – заорал на него Кристофер. – Ты что, хочешь, чтобы она на тебя набросилась?

Он стремительными шагами пошел навстречу собаке. Та еще наддала ходу и летела к нему, распластавшись над землей.

По-моему, ребята совершенно правильно отреагировали на эту собаку. Она рычала, явно намереваясь вцепиться Кристоферу в горло, а приблизившись, вся подобралась, готовясь к прыжку. Снова заверещала одна из девчонок.

– А ну стой, глупая псина, – сказал Кристофер. – Стой, говорю.

Псина действительно остановилась. И не только остановилась, но завиляла хвостом, завиляла всем задом и поползла, повизгивая, к Кристоферу, а когда подползла, попыталась облизать его великолепные ботинки.

– Слюни не распускать, – распорядился Кристофер; псина застыла и только повизгивала. – Ты ошиблась, – объявил ей Кристофер. – Мы не воры и не разбойники. Ступай обратно. Ступай туда, откуда пришла.

Он решительно указал на деревья. Псина поднялась и медленно побрела обратно, время от времени оборачиваясь, – видимо, она не теряла надежды, что Кристофер позволит ей вернуться и еще поползть у его ног. Кристофер же спустился с холма и объявил:

– Похоже, ее натаскали кидаться на любого, кто сойдет с дорожки. Увы, народ, дальше придется опять шлепать в обуви.

На него теперь смотрели исключительно как на героя, спасителя и командира. Многие из девчонок, напяливая туфли, бросали на него неприкрыто страстные взгляды; а потом мы все побрели, хромя, дальше по дороге, которая делала тут еще один изгиб. Дорогу обступили живые изгороди, сквозь которые полыхали разноцветные цветы, а еще дальше, за деревьями, поблескивали многочисленные окна. Вправо ответвлялась тропинка. Кристофер скомандовал:

– Сюда, народ, – и повел нас по ней.

Мы снова шли по парку, но оказалось, что обулись все, в общем, не зря, потому что эта тропинка оказалась совсем короткой, и скоро от нее ответвилась другая; она змеилась между высокими кустами с блестящими листьями и заканчивалась у подножия каменной лестницы.

Мальчишки поспешно напялили пиджаки. На верхней ступени лестницы поджидал некий молодой человек. Был он довольно тощ, а ростом разве что чуть-чуть повыше Кристофера. Лицо у него было приятное и курносое. Тем не менее все мы, включая Кристофера, уставились на него чуть ли не с благоговением, потому что на нем красовались черные бархатные панталоны, ниже – чулки в желтую и коричневую полоску, а еще ниже – черные туфли с пряжками. Сверху на нем был подобранный в тон коричнево-желтый полосатый жилет, а под ним – белая рубашка. Длинные белокурые волосы были стянуты на затылке черной лентой, завязанной аккуратным бантом. Тут и не захочешь, а выгаращишься.

Кристофер приотстал и оказался рядом со мной.

– Ну вот, – сказал он. – Перед нами не то посыльный, не то лакей. Впрочем, бархатом у него обтянута попа. А икры, судя по всему, полосатым шелком.

– Меня зовут Хьюго, – представился молодой человек. Потом одарил нас обворожительной улыбкой: – Прошу следовать за мной, я покажу вам дорогу. Мистер Амос ждет вас на собеседование в подклети.

Глава пятая

Все тут же притихли и напряглись. Даже Кристофер больше не произнес ни слова. Мы двинулись вверх по лестнице – полосатые чулки и блестящие пряжки молодого человека мелькали сверху, – а потом последовали за ним по каким-то путаным дорожкам в кустарнике. Похоже, мы были уже совсем рядом с особняком. Над кустами то и дело показывались высокие стены и окна, однако полностью мы увидели замок только после того, как Хьюго подвел нас с угла к двери, ведущей во двор. На один-единственный миг нам открылся, и то под углом, вид на главный фасад. Все мы вытянули шеи в ту сторону.

Здание оказалось огромным. Длинные ряды окон. Судя по всему, парадный вход располагался примерно на среднем уровне и к нему вели два широких пролета изогнутой каменной лестницы, а перед дверью имелось крыльцо с тяжелой кровлей, изукрашенной всяческими позолоченными финтифлюшками. Между двумя полукруглыми лестницами бил фонтан, к нему вела широкая подъездная дорога.

Больше я ничего не успел разглядеть. Хьюго держал хороший темп: мы вошли во двор, пересекли его и через широкий квадратный дверной проем попали в нижние помещения дома. Почти сразу после этого все мы набились в большую комнату с деревянными панелями на стенах, где стоял, дожидаясь, мистер Амос.

В том, что это именно он, ни у кого не возникло ни малейших сомнений. Было сразу видно, что он служит в Столлери, поскольку на нем был такой же полосатый жилет, как и на Хьюго, а вот помимо этого он был одет во все черное, как будто собрался на похороны. У него были удивительно маленькие ступни, обутые в ярко начищенные черные башмаки. Он стоял, сцепив руки за спиной, как будто собирался вращать корнями в пол, широко расставив крошечные блестящие башмаки и глядя поверх тупого носа на грушевидном лице; все это внушало чуть ли не трепет. Собственно, даже наш столчестерский епископ не внушал такого трепета, как мистер Амос, хотя и трудно было сказать почему. Я в жизни не видел такого грушевид-

ного человека. Его полосатый жилет круглился спереди, черный сюртук раздувался на боках, а чтобы сцепить за спиной руки, ему пришлось завести их довольно далеко назад. Лицо у него было не только грушевидное, но еще и багровое. Над довольно пухлыми губами располагался широкий, плоский нос. Ростом он был разве что чуть повыше меня. При этом возникало ощущение, что если мистер Амос вдруг разгневется и оторвет от пола свои крошечные блестящие ботинки, пол от этого содрогнется, а с ним вместе и весь остальной мир.

– Благодарю вас, мистер Хьюго, – произнес он. Голос у него был низкий и звучный. – А теперь я попрошу вас всех выстроиться в ряд и опустить руки по швам, чтобы я мог на вас взглянуть.

Мы торопливо построились в ряд. Те, у кого в руках были пакеты, постарались пристроить их за спиной у ног. Тут мистер Амос оторвал-таки башмаки от пола, и пол действительно слегка содрогнулся, а он зашагал перед нашей шеренгой, пристально вглядываясь каждому в лицо. Глаза его внушали такой же трепет, как и все остальное: на багровом лице они выглядели как две бусины. Когда он подошел ко мне, я попытался устремить неподвижный взгляд поверх его гладко причесанных седых волос. Похоже, я поступил правильно. Пахло от него так же, как и от мэра Сейли, только сильнее: добротной тканью, хорошим вином и сигарой. Дойдя до Кристофера, стоявшего в ряду последним, он, похоже, взглянул на него пристальнее, чем на всех остальных, – и это меня сильно встревожило. А потом он величественно повернулся в сторону и шелкнул пальцами.

В тот же миг в комнату влетели еще двое молодых людей, одетых точь-в-точь как Хьюго, и замерли с видом воспитанным и подобострастным.

– Грегор, – обратился к одному из них мистер Амос, – отведи вот этих двух мальчиков и эту девочку на собеседование к главному повару. Эндрю, этих мальчиков – к мистеру Авенлоху. В оранжерею, пожалуйста. Мистер Хьюго, всех остальных девочек – к миссис Балдок в покой домоправительницы.

Все трое кивнули, пробормотали: «Слушаюсь, мистер Амос» – и увели своих подопечных. Полагаю, почти всем соискателям пришлось ближайшим же трамваем возвращаться в Столчестер. С тех пор столкнуться мне пришлось разве что с одним-двумя. Комната в несколько секунд опустела, остались в ней только мистер Амос, Кристофер и я. Сердце у меня опять заколотилось, хуже прежнего.

Мистер Амос воздвигся перед нами.

– Вы, двое, судя по виду, подходите больше других, – сказал он. Голос его так и громычал в пустом помещении. – Назовите, пожалуйста, свои имена.

– Эхм, – сказал я. – Конрад Грант.

Кристофер находчиво ответил:

– Мое имя Кристофер Смит, мистер Амос.

Я готов был поспорить, что это вранье. Он скрыл свое настоящее имя, как и я.

Глазки-бусины обратились на меня:

– Ты где вырос?

– В книжном магазине, – ответил я. – Там, внизу, в Столчестере.

Глазки-бусины обежали меня сверху донизу.

– Из чего я полагаю, – сказал мистер Амос, – что выполнять работу по дому тебе не приходилось.

– Я довольно часто делал уборку в магазине, – возразил я.

– Это совсем не то, что я имею в виду, – ледяным тоном заявил мистер Амос. – Я имею в виду навыки услужения особам высокого ранга. Умение угодить. Догадаться, чего они желают, еще до того, как это произнесено вслух. Не попадаться на глаза, пока не понадобится. Есть у тебя такой опыт?

– Нет, – сознался я.

– А у тебя? – спросил мистер Амос, переводя каменный взгляд на Кристофера. – Ты постарше. Надо думать, ты уже умеешь зарабатывать, в противном случае откуда бы у тебя взялся этот роскошный наряд?

Кристофер склонил аккуратно подстриженную голову.

– Вы правы, мистер Амос. Сознаюсь, что три года отслужил в довольно большом поместье, хотя и несравнимом с этим, понятное дело. Впрочем, не хочу создавать у вас ложного впечатления: там я был скорее наблюдателем, чем полноправным сотрудником.

Мистер Амос устремил на Кристофера пристальный взгляд:

– В смысле, жил там на правах бедного родственника? – спросил он.

– В таком духе, – кивнул Кристофер. Мне показалось, что ему несколько неловко об этом говорить.

– Итак, ни у одного из вас не имеется навыков, о которых я только что упомянул, – подытожил мистер Амос. – И ладно. Я люблю работать с полными невеждами. Лучше, когда в Столлери поступают люди, еще не набравшиеся дурных привычек. Второй важный вопрос. Готовы ли вы оба к тому, чтобы исполнять обязанности лакея, личного слуги? А именно – одевать своего господина, следить за его гардеробом, обеспечивать ему комфорт, исполнять его поручения, в определенных ситуациях даже готовить ему пищу, а кроме того – владеть всеми его секретами, но никогда, ни под каким видом ни с кем ими не делиться? Готовы ли вы к этому?

Вид у Кристофера был несколько ошарашенный. Я вспомнил странную подробность: ведь Кристофер, похоже, поначалу и вовсе не знал, зачем мы здесь. И я сообразил: вот он, мой единственный шанс получить заветную работу!

– Я ко всему этому более чем готов, – выпалил я.

– Я тоже, – тут же сказал Кристофер. – В том, чтобы следить за гардеробом и хранить секреты, мне нет равных, мистер Амос.

Мне захотелось дать ему по физиономии.

– Вот и славно, – сказал мистер Амос. – Рад видеть двух столь честолюбивых молодых людей. Ибо, как вы понимаете, прежде чем одному из вас доверят столь ответственную работу, вам предстоят долгие годы обучения. Однако, как я вижу, оба вы – весьма многообещающий материал. – Он покачался взад-вперед на своих крошечных ножках. – Позвольте пояснить, – продолжал он. – Через несколько лет я полагаю уйти на покой. Когда это произойдет, мою должность старшего дворецкого Столлери, понятное дело, займет мой сын Хьюго, как и я ее занял после своего отца. В результате освободится нынешнее место Хьюго, место личного слуги графа Роберта. Моя цель – подготовить нескольких кандидатов на эту должность, чтобы, когда придет срок, графу Роберту было из кого выбирать. А посему я намерен назначить вас обоих на должность Постигающих; предполагается, что вы будете рассматривать друг друга как соперников в борьбе за почетное право стать, в должный срок, единственным личным слугой. Разумеется, я, со своей стороны, порекомендую графу того из вас, кто вызовет у меня большее одобрение.

Какая удача! Я почувствовал, что физиономия моя от облегчения расплылась в улыбке.

– Большое вам спасибо! – сказал я, а потом, чтобы не показаться грубияном, добавил: – Мистер Амос, сэра.

Кристофер, похоже, тоже почувствовал облегчение, однако был слегка озадачен.

– Э-э... а вы разве не хотите взглянуть на мои рекомендации, сэра? – спросил он. – Среди них есть одна совершенно блистательная.

– Оставь их себе, – сказал мистер Амос, – и да послужат они тебе источником вдохновения. А для меня существует единственная рекомендация – моя собственная наблюдательность, отточенная долгими годами оценки юных кандидатов. Полагаю, вы заметили, с какой легкостью я выбрал из вашего числа тех, кто согдится на кухне, кто подойдет в горничные, а

кто годен разве что в подмастерья садовника. Мне на это хватает нескольких секунд, и я почти никогда не ошибаюсь. Так ведь, мистер Хьюго?

– Очень редко, – подтвердил из другого конца комнаты Хьюго.

А мы и не заметили, когда он вернулся. Поэтому оба так и подскочили.

– Отведите Кристофера и Конрада в их комнату, мистер Хьюго, покажите им все службы и ознакомьте с их обязанностями, – распорядился мистер Амос. – Рад вам сообщить, что у нас появились двое Постигающих.

– Слушаюсь, сэр. А где они будут питаться? – спросил Хьюго.

Мы сразу поняли, что это чрезвычайно важный вопрос. Мистер Амос строго посмотрел на нас, потом в потолок, потом покачался взд-вперед.

– Да, вот так, – сказал он. – Определим их в среднюю залу, когда таковая будет задействована, однако поскольку в данный момент это не так... Боюсь, нижняя зала не подходит. Юношам свойственно заигрывать с женской прислугой. Полагаю, придется, хотя мне это и не по душе, устроить их так же, как мы временно устроили форейторов, и определить их в верхнюю залу – до тех пор, пока не завершится траур по покойному графу и Столлери вновь не наполнится гостями. Проводите их, пожалуйста. Я хочу, чтобы они присутствовали, будучи одетыми подобающим образом, когда я стану Подавать Чай.

Хьюго открыл нам дверь, рядом с которой стоял, и сказал своим дружелюбным голосом:

– Попрошу вас следовать за мной.

Я подхватил пакет и вслед за Кристофером вышел в эту дверь – и тут на меня снова накатил страх, правда, уже в новой форме. Мне казалось, что меня совершенно случайно рукоположили в священники, а я совершенно к этому не предназначен. Полагаю, Кристофер тоже испытывал что-то подобное, но когда Хьюго отвел нас в медлительный коричневый лифт («Только для прислуги, – пояснил он. – Ни под каким видом не приводите членов Семейства и их гостей в лифт для прислуги») и нажал кнопку «Ч», то есть «чердак», я заметил, что Кристофера просто распирает от восторга, что восторг в нем так и бурлит, как будто он только что выиграл в какой-то игре. Он выглядел в точности так, как я себя чувствовал всякий раз, когда дядя Альфред умолял меня не бросать готовку.

Лифт медленно полз вверх, а Кристофер, судя по всему, был просто не в состоянии сдерживать радость.

– А скажите мне, – наседали на Хьюго, – мы с Конрадом сможем научиться, как и вы, входить в комнату через щель в полу? Я читал в одной книжке про лакея, который просачивался в комнату, точно беззвучная жидкость, но вы скорее просочились, как беззвучный газ! Раз – и на месте! Это что, колдовство?

Хьюго только ухмыльнулся. Теперь, зная, что он – сын мистера Амоса, я видел между ними несомненное сходство. Те же крупные губы и вздернутый нос, – правда, в случае Хьюго все это выглядело весьма привлекательно. В остальном же он так мало походил на отца, как размерами и формой, так и характером, что трудно было представить, как он потом займет его место.

– Входить в комнату вы еще научитесь, – сказал он, прислоняясь к стене лифта. – Отец заставлял меня упражняться часами, прежде чем позволить войти в комнату, где находилось Семейство. Но главное, чему вам предстоит научиться – это я вас предупреждаю заранее, – стоять на ногах по четырнадцать часов кряду. Прислуге не положено присаживаться. Еще вопросы есть?

– Штук сто, – ответил Кристофер. – У меня их столько, что я даже не знаю, с которого начать.

Он, похоже, не врал. Осекся и уставился на стену, пытаясь решить, что спрашивать дальше.

Я воспользовался паузой и спросил:

– А как нам называть вас – мистер Хьюго?

– Только в присутствии отца, – ответил Хьюго и снова ухмыльнулся. – Он на этот счет строг.

– Потому что вы – будущий дворецкий? – не удержался от вопроса Кристофер.

– Именно, – кивнул Хьюго.

– Да уж, не хотел бы я с вами поменяться, – сказал Кристофер.

– Согласен, – ответил Хьюго довольно печально.

Кристофер бросил на него пронизательный взгляд, но ничего больше не сказал, пока лифт наконец не всполз на чердак. И только тут выпалил:

– Ничего себе! Настоящий крысиный лабиринт!

Мы с Хьюго оба расхохотались, потому что действительно было очень похоже. Крыша оказалась низкой, но с просветами, и было видно, что во все стороны разбегаются коридоры с рядами дверей. Было тепло и пахло деревом. А ведь я тут заплутаю, подумалось мне.

– Комната у вас будет на двоих, вот здесь, – сказал Хьюго, ведя нас по коридору, который ничем не отличался от всех остальных.

Все двери были выкрашены в один и тот же тускло-коричневый цвет. Он открыл одну из них, ничем не отличавшуюся от прочих.

– И поаккуратней, шуметь тут нельзя, – добавил он. – Потому что жить вы будете по соседству с высокопоставленными слугами.

За дверью оказалась свеженькая белая комнатка со скошенным потолком и двумя узкими кроватями. Окошко, маленькое и низкое, выходило на синие горы, в него лился солнечный свет. Пахло нагретой побелкой. В комнате были ковер, комод и отгороженный занавеской угол – вешать личные вещи. Комнатка была даже получше, чем у меня дома. Я посмотрел на Кристофера – были все основания полагать, что он привык к спальням пороскошнее. Впрочем, я забыл, что он ведь только что провел месяц среди цыган. Он огляделся, явно довольный.

– Мило, – сказал он. – Симпатично. В два раза просторнее, чем в кибитке. А, гм... удобства?

– В конце коридора, – сказал Хьюго. – Все угловые комнаты – уборные. А теперь пойдете, я выдам вам форму. Сюда.

Я поспешно бросил пакет на кровать, гадая, увижу ли его еще когда-нибудь, и мы вышли вслед за Хьюго обратно в коридор.

Там Кристофер сказал: «Секундочку», снял свой тонкий шелковый галстук и обмотал вокруг внешней дверной ручки.

– Вот теперь мы не потеряемся, – сказал он. – Или, может, это запрещено? – обратился он к Хьюго.

– Понятия не имею, – сказал тот. – Мне кажется, раньше никому такое просто в голову не приходило.

– Значит, у вас у всех просто изумительное чувство направления, – сказал Кристофер. – Так уборная здесь?

Хьюго кивнул. Мы оба засунули головы в дверь, Кристофер одобрительно покивал.

– Все необходимое, – сказал он. – Куда лучше оловянной лохани или изгороди. А полотенца?

– В кладовке, там же, где и форма, – сказал Хьюго. – Сюда.

Он повел нас по извилистым узким коридорам, пока мы не пришли в место, где фонарь на потолке был больше, чем в других. Здесь двери были рейчатые, хотя тускло-коричневым цветом не отличались от других. Хьюго открыл первую дверь.

– Берите каждый по полотенцу, – распорядился он.

Мы вытаращились на комнату размером в два раза больше той, в которой нас поселили; она была уставлена стеллажами, на которых лежали стопки полотенец, простыней и одеял. Мне показалось – тут хватит на целую армию.

– Сколько же здесь всего слуг? – спросил Кристофер, когда мы взяли себе по большому тускло-коричневому полотенцу.

– Сейчас постоянно проживающих – всего пятьдесят, – ответил Хьюго. – Когда возобновятся приемы, их число возрастет почти до сотни. Траур по графу Рудольфу продлится еще две недели, и до тех пор тут будет совсем тихо. Вам как раз хватит времени освоиться. Форма вот здесь.

Он подвел нас к следующей двери. За ней оказалось помещение еще больше. В нем, как в общественной библиотеке, стояли стеллажи, только набитые одеждой. Бесконечные стопки простых белых рубах, шеренги бархатных панталон, аккуратные башенки сложенных жилетов, полосатые пирамиды чулок, накрахмаленные шейные платки на вешалках, отдельные полки с фартуками в желтую полоску. Под стеллажами лежали в картонных коробках туфли с пряжками. От сильнейшего заклятия против моли у меня начали слезиться глаза. Глаза Кристофера округлились, мне же сквозь туман слез удалось лишь разглядеть, как Хьюго ходит по комнате, глядя на ярлыки, измеряя нас взглядом, снимая с полок нужные предметы.

Каждому из нас выдали по две рубахи, два фартука, четыре пары трусов, четыре пары чулок, один жилет, одни бархатные панталоны. Под конец Хьюго снабдил нас шейными платками, которые аккуратно положил поверх уже изрядных куч в наших руках, а еще поверх – полосатые ночные рубашки, по штуке каждому.

– Знаете свой размер обуви? – спросил он.

Мы оба не знали. Хьюго нашарил между коробками рулетку и сноровисто нас обмерил. Потом вытащил из коробок туфли с пряжками и велел нам надеть, а потом ловко проверил, докуда доходят наши большие пальцы и хорошо ли села пятка.

– Очень важно, чтобы туфли не жали, – сказал он. – На ногах придется стоять подолгу.

Было видно, что лакей он первоклассный.

– Ну хорошо, – закончил он, положив поверх ночных рубах по сверкающей паре туфель. – Теперь идите переоденьтесь в форму, уберите остальное в шкаф и через десять минут ждите меня у лифта. – Он вытащил из кармана жилета золотые часы в тонком корпусе и проверил, который час. – Нет, через семь, – поправился он. – А то не хватит времени показать вам дом. В четыре я должен ехать с графом Робертом в Лудвич.

Я придавил туфли подбородком, чтобы не свалились, и попытался вспомнить, как же мы сюда пришли. Попытался и Кристофер. Я, со своей кучей, направился в одну сторону. Кристофер, с недоумевающим и одновременно решительным выражением лица, – строго в противоположную.

Хьюго рысью припустил вслед за Кристофером, выкрикивая:

– Стой! Не туда!

В голосе у него звучал такой ужас, что Кристофер вздрогнул и резко повернулся.

– А что такого? – спросил он.

Хьюго указал на широкую красно-бурую черту, нарисованную на стене совсем рядом с Кристофером.

– Никогда, ни при каких обстоятельствах не пересекай эту черту, – сказал он. – За ней начинается женская половина чердака. А если тебя обнаружат на чужой половине, уволят без всяких разговоров.

– А, – сказал Кристофер. – И всего-то? А то вы так кричали – я уж решил, что там по меньшей мере обрыв футов в сто. Кстати, а как нам пройти в свою комнату?

Хьюго ткнул пальцем. Мы бы ни за что в жизни не догадались пойти в этом направлении. Теперь же рванули туда со всех ног, чувствуя себя довольно по-дурацки, и через некоторое

время (больше потому, что нам просто повезло) оказались в коридоре, где на одной из дверных ручек висел галстук Кристофера.

– Это я хорошо придумал! – сказал Кристофер, когда мы дружно бухнули свои кучи одежды на кровати. – Не знаю, как ты, Грант, а за себя могу сказать точно: я в этом наряде буду выглядеть полным идиотом, да и чувствовать себя соответственно; но еще глупее я буду себя чувствовать сегодня вечером в этой ночной рубашке.

– Привыкнем, – проворчал я, выпутываясь из собственной одежды.

Самоуверенный тон Кристофера уже начинал меня раздражать.

– Верно ли мое ощущение, – проговорил Кристофер, вылезая из брюк и аккуратно вешая их на спинку кровати, – что в тебе, Грант, проснулась некоторая враждебность? Уж не принял ли ты всерьез наставления мистера Амоса? Ты что, действительно видишь во мне соперника?

– А как же иначе? – спросил я, так и смя переворачивая черные панталоны длиной до колен и пытаюсь сообразить, где у них перед, а где зад. Понять это было не так-то просто.

– Тогда хочу тебя сразу же успокоить, Грант, – сказал Кристофер, тоже озадаченный панталонами. – И вообще, подожди-ка. Я полагаю, что сначала нужно надеть чулки. Эти штуковины застегиваются поверх полосатых гольфов и – надеюсь – не дают этой гадости сползать. Очень надеюсь. Терпеть не могу, когда носки морщат. Как бы там ни было, не бери мистера Амоса в голову. Я здесь ненадолго.

– Но почему? – спросил я. – И ты в этом уверен?

– На все сто, – ответил Кристофер, не без опаски всовывая ногу в полосатый чулок. – Для меня вся эта затея – просто этап на пути к совсем другим вещам. Как только я выясню то, что мне нужно выяснить, я немедленно исчезну.

Я в этот момент стоял на одной ноге и одновременно пытался натянуть чулок. Чулок не налезал, перекручивался и скатывался в трубочку. Узнав, что мы с Кристофером, по сути, находимся в одинаковом положении, я потерял равновесие. Несколько отчаянных подскоков – и я с грохотом плюхнулся на пол.

– Вижу, новость оказалась сногшибательная, – заметил Кристофер. – Но, право же, тревожиться тебе не о чем, Грант. Смотри на меня как на чистой воды любителя. Настоящего лакея из меня никогда не получится, а уж о дворцеком или мажордоме и говорить нечего.

Глава шестая

После этих слов я почему-то ждал, что новая форма будет сидеть на Кристофере как на корове седло. Ничего подобного. Он затянул сзади завязки полосатого жилета, так что тот ловко обхватил талию, пристроил на шее белый платок – и превратился в просто безупречного юного лакея. А вот у меня видок был не ахти. Я посмотрел на свое отражение в длинном и узком зеркале на внутренней стороне двери – что-то во мне было не так. Это было и странно, и несправедливо, потому что волосы у меня были такие же темные, как у Кристофера, и жирным меня никто бы не назвал, и с лицом все было в порядке. При этом выглядел я так, будто голова моя торчит из костюма, сшитого на кого-то другого, – ну, знаете, как это иногда бывает на фотографиях.

– Семь минут истекло, – сказал Кристофер, откидывая кружевной манжет своей рубашки и глядя на часы. – Любоваться собою некогда, Грант.

Едва мы вышли из комнаты, я сразу же вспомнил, что забыл пробку от бутылки с портувейном в кармане своих старых брюк. Мэр Сейли велел мне носить ее с собой постоянно. Пришлось рвануть обратно, достать ее и потом засунуть... Так. Оказалось, что в этих паршивых панталонах вообще нет никаких карманов. Я затолкал пробку в узкий кармашек жилета и зашагал следом за Кристофером. Ему, если спросит, я собирался сказать, что это у меня такой оберег из дома, но он, похоже, ничего не заметил.

Когда мы отыскивали Хьюго, оказалось, что он смотрит на часы.

– Поаккуратнее со временем, – сказал он. – Отец в этом отношении очень строг.

Он спрятал часы, чтобы освободить руки и поправить шейный платок сперва на мне, а потом на Кристофере. В Столлери все почему-то пытались поправить наши шейные платки, но мы тогда этого еще не знали, а потому в изумлении отшатнулись.

– Идите за мной, – скомандовал Хьюго.

На лифте мы на сей раз не поехали. По узкой скрипучей лесенке Хьюго отвел нас на этаж ниже. Потолки здесь были выше, а коридор шире и с ковром на полу; при этом было довольно темно.

– Это детский этаж, – пояснил Хьюго. – Пока мы селим в некоторых комнатах экономок и тех гостей, которых не приглашают к столу с Семейством, а еще лакеев, бухгалтера и всех таких прочих.

На пути к следующей лестнице он открыл одну дверь и показал нам длинную темную комнату с отполированными стенами, в центре которой стоял конь-качалка; вид у лошадки был довольно неприкаянный.

– Это игровая, – сказал Хьюго.

Следующая лестница оказалась пошире и была устлана ковром. Когда мы спустились, оказалось, что потолки здесь еще повыше и ковры уже повсюду – новые, пушистые, светло-серые. На стенах висели картины.

– Комнаты для гостей? – догадался смекалистый Кристофер.

– На случай избытка таковых, – поправил его Хьюго. – Комнаты моего отца тоже на этом этаже, – добавил он, подводя нас к еще одной лестнице. Эта была уж совсем широкой, а ковер на ней лежал получше, чем в самой лучшей гостинице в Столчестере.

Спустившись еще ниже, мы сразу же оказались среди настоящей роскоши. Кристофер сложил губы трубочкой и чуть слышно присвистнул – перед нами открылся широкий проход, устланный ковром цвета светло-голубого мха и перекрытый бесконечными пунцово-золотыми арками, уставленный белыми статуями и золотыми украшениями на столиках с мраморными столешницами и изогнутыми позолоченными ножками. Повсюду красовались вазы с цветами. Воздух казался густым от их ароматов.

Хьюго повел нас по проходу.

– Этот этаж вам придется изучить досконально, – сказал он. – На случай, если понадобится что-то доставить в один из покоев Семейства. – Пока мы продвигались, он указывал на белые двустворчатые двери, одну за другой, и перечислял: – Главная гостевая, красная гостевая, покои графа Роберта, синяя гостевая, расписная гостевая. Графиня занимает розовые покои, они вон там. Это белая гостевая, а покои леди Фелиции здесь, за углом. Вон там – сиреневый и желтый покои. Ими пользуются нечасто, но знать, где они, вам нужно. Как, запомнили?

– В общих чертах, – честно признался Кристофер.

– Внизу имеется план, – сказал Хьюго и повел нас дальше, теперь – по широким и невысоким ступеням, устланным, как и проход, мягкой голубоватой материей; они привели нас на еще более роскошный этаж. Голова у меня к этому времени уже шла кругом, но я все-таки старался поворачивать лицо туда, куда Хьюго показывал, причем с умным видом.

– Бальная зала, банкетная зала, музыкальная гостиная, главный салон, – перечислял он, и мне представляли бескрайние пространства, огромные люстры, ряды отделанных золотом диванов, а в одной комнате оказался стол длиной ярдов в двести, окаймленный хрупкими золотыми стульями. – Этими залами пользуются не чаще двух-трех раз в год, – продолжал Хьюго, – но их, разумеется, нужно поддерживать в полном порядке. Здесь должен был состояться грандиозный прием по случаю совершеннолетия леди Фелиции, но из-за кончины графа его пришлось отменить. А жаль. Но ничего, скоро здесь состоится другое торжество – празднование помолвки графа Роберта. Четыре года назад, когда нынешнему графу исполнилось восемнадцать, здесь дали изумительный бал. Приехали чуть ли не все титулованные особы Европы. Сожгли десять тысяч свечей и выпили чуть не две тысячи бутылок шампанского.

– Ничего себе, – сказал Кристофер, когда мы проходили мимо главной парадной лестницы.

Мы оба вытянули шеи и обнаружили, что она ведет в огромный вестибюль, пол которого выложен плитами из черного мрамора.

Хьюго ткнул в сторону лестницы большим пальцем.

– Покоями, расположенными внизу, Семейство пользуется постоянно: там гостиные, столовые, библиотека и все такое прочее, однако слугам запрещено ходить по этой лестнице. Не забудьте об этом.

– Сразу захотелось съехать вниз по перилам, – пробормотал Кристофер, когда Хьюго отвел нас к куда более узкой лестнице, которая выходила в вестибюль сразу за парадным лифтом.

Хьюго указал нам на разные большие черные двери и объяснил, которая куда ведет, прибавив, что заглянуть в комнаты мы сейчас не сможем: в любой из них может оказаться кто-то из членов Семейства. Мы покивали, и ноги наши заскользили по черному полосатому полу на подошвах новеньких башмаков.

Потом с треском распахнулась дверь, обитая зеленым сукном, и мы очутились в мире серого камня и простого дерева.

– Папина кладовая, хранилище фамильного фарфора, закут для серебра, цветочная, уборные для прислуги, – продолжал перечислять Хьюго. – Отсюда мы спустимся обратно в подклеть.

Он припустил вниз по крутым каменным ступеням. Мы помчались следом, и мне вдруг показалось, что я снова очутился в школе. Запах тут был тот же – перегретый, с примесью мела и кухни; как и в школе, было ощущение, что вокруг полно народу – голоса вдалеке, торопливое шарканье многих ног. Раздался девичий смех, от него раскатилось эхо, а потом – тоже совсем как в школе – где-то зазвенел звонок.

Звенел он в большом, отделанном камнем вестибюле у подножия лестницы. Там висела огромная доска с бесконечными рядами круглых лампочек. Одна из них, примерно посередине, мигала красным. Какая-то дама в опрятном платье в желто-коричневую полоску и в желтом чепчике на седых волосах с некоторой тревогой смотрела на лампочку.

– А, Хьюго! – произнесла она радостно, когда мы скатились по лестнице. – Звонит граф Роберт.

Хьюго подошел к доске.

– Да, верно, – сказал он и снял со стены что-то вроде телефонной трубки – мигание тотчас же прекратилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.